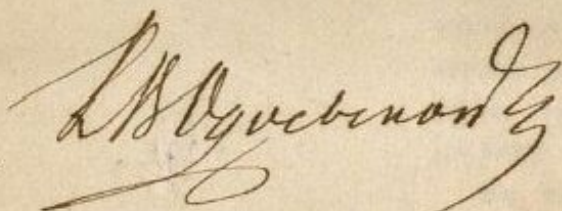

СМЕРТЬ ІОАННА ГРОЗНАГО,

ТРАГЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Графа А. К. ТОЛСТАГО.

A large, elegant handwritten signature in cursive script, likely belonging to the author, Alexander K. Tolstoy. The signature is written in dark ink and spans across the middle of the page.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ МОРСКАГО МИНИСТЕРСТВА,
въ Главномъ Адмиралтействѣ.

1866.

Дорогі друзя!

Представляемъ вамъ трагедію Алексѣя Константиновича Толстаго «Смерть Іоанна Грознаго», написанную въ 1866 году. Царь изображенъ въ трагедіи не какъ злодѣй или сумасшедшій — напротивъ, онъ чрезвычайно уменъ и проникателенъ, обладаетъ мощной волей и недюжинной энергіей, дѣйствуетъ искренне и страстно.

Бояре, со своей стороны, не способны поддержать Іоанна, такъ какъ они разобщены и думаютъ только о своихъ личныхъ мелкихъ выгодахъ. Наслѣдникъ царя, Ѳедоръ Іоанновичъ, въ противоположность отцу, робкій и слабый, также оказывается безсильнымъ.

Торжествуетъ въ трагедіи одинъ Борисъ Годуновъ, которому смерть Іоанна освобождаетъ путь къ власти, однако авторъ даетъ понять, что и Годунову вскорѣ придется пожинать горькіе плоды своихъ трудовъ.

Въ нашемъ изданіи проводится текстъ произведенія съ исправленіемъ явныхъ опечатокъ въ соотвѣтствіи съ изданіемъ отъ 1866 года¹.

Пріятнаго вамъ прочтенія, друзя!

¹ Толстой, А. К. Смерть Іоанна Грознаго: Трагедія въ 5 д. / [Соч.] Гр. А.К. Толстаго. – Санктъ-Петербургъ: тип. Мор. м-ва, 1866. – [4], 176 с.; 24.

СМЕРТЬ ІОАННА ГРОЗНАГО,

ТРАГЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Графа А. К. ТОЛСТАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ МОРСКАГО
МИНИСТЕРСТВА,

въ Главномъ Адмиралтействѣ.

1866.

СМЕРТЬ ІОАННА ГРОЗНАГО.

— Рече царь: «Нѣсть ли сей Вавилонъ великій, его же азъ соградихъ въ домъ царства, въ державѣ крѣпости моя, въ честь славы моя!» Еще слову сушу во устѣхъ царя, гласъ съ небесе бысть: «Тебѣ глаголется, Новуходносоре царю: царство твое преиде отъ тебя, и отъ чловѣкъ отженуть тя и со звѣрьми дивіими житіе твое!»

Кн. пр. Даниїла, гл. IV, ст. 27.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Царь Иванъ Васильевичъ IV-й.

Царица Марія Ѳедоровна, изъ рода Нагихъ, седьмая жена его.

Царевичъ Ѳедоръ Ивановичъ, сынъ его отъ первой жены.

Царевна Ирина, жена Ѳедора, сестра Бориса Годунова.

Князь Мстиславскій,

Захарьинъ-Юрьевъ, братъ первой жены царя,

Князь Шуйскій,

Бѣльскій.

Князь Щербатый,

Князь Голицынъ,

Князь Трубецкой,

Князь Сицкій,

Шереметевъ,

Татищевъ,

Салтыковъ,

Михайло Нагой, братъ царицы Маріи Ѳедоровны,

Борисъ Годуновъ, шуринокъ царевича Ѳедора,

Гонецъ изъ Пскова.

члены
боярск-
ой
думы.

Марія Григорьевна, жена Годунова.
Григорій Годуновъ, родственникъ Бориса,
Григорій Нагой, второй братъ царицы
Маріи Ѳеодоровны. } окольнічьи.

Гарабурда, посоль Стефана Баторія.
Битяговскій,
Кикинъ, } дворяне.

Схимникъ.

Мамка царевича Димитрія.

Дворецкій кремлевскаго дворца.

Дворецкій Александровской слободы.

Дворецкій Годунова.

1-й }
2-й } волхвы.

Эльмсъ,
Якоби, } врачи.

1-й }
2-й | } пристава.

Шуть.

Ключникъ.

Стрѣлецкій голова.

Стрѣлецкій сотникъ.

Стольникъ.

Лабазникъ.

Сѣнная дѣвушка.

Слуга князя Шуйскаго.

Бояре, окольнічьи, рынды, стрѣльцы, народъ,
скоморохи, слуги.

Дѣйствіе въ Москвѣ, 1584 года.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Прежде поднятія занавѣса слышны на сценѣ шумъ и споры. Занавѣсъ подымается. Боярская дума. На лавкахъ, стоящихъ вдоль стѣнъ и образующихъ фигуру *Покоя*, сидятъ бояре: на средней лавкѣ князь Мстиславскій, Захарьинъ-Юрьевъ, Бѣльскій и другіе старшіе бояре; на боковыхъ младшіе; на концѣ правой боковой лавки, у просценіума, Борисъ Годуновъ; съ лѣвой стороны, напротивъ Годунова, Михайло Нагой, схвативъ Салтыкова за воротъ, старается стащить его съ мѣста.

НАГОЙ.

Я государевъ шуринъ! мнѣ невмѣстно
Быть меньше Салтыковыхъ!

САЛТЫКОВЪ.

Бражникъ! Прочь!
Твой дѣдъ служилъ у дѣда моего
Знакомцемъ и держальникомъ!

НАГОЙ.

Неправда!
Держальниковъ не знали Салтыковы!
За то-ль въ бояре ты попалъ, что вмѣстѣ
Съ Голицынымъ сдалъ Полоцкъ королю? '

ГОЛИЦЫНЪ.

Нѣтъ, это ложь! Я защищалъ посады,
А въ городѣ сидѣлъ тогда Щербатый!

ЩЕРБАТЫЙ.

Ну, да, сидѣлъ! И въ то сидѣнье мы
Въ двѣнадцать дней семь приступовъ отбили,
А кабы ты посады отстоялъ,
Къ намъ подошла-бъ отъ Сокола подмога

И съ тылу-бы схватила короля!

ГОЛИЦЫНЪ.

А я-ли виноватъ, что та подмога
Три цѣлыхъ дня тягалась о мѣстахъ?

НАГОЙ (продолжаетъ спорить съ Салтыковымъ).
Я государевъ шуринъ! Я на свадьбѣ
Передъ другими несъ царскій коровай!

САЛТЫКОВЪ.

А я несъ блюдо съ золотою чарой!
Отецъ мой былъ оружничимъ! А твой
Кто есть отецъ? Великая то честь,
Что по седьмой женѣ ты царскій шуринъ!

НАГОЙ.

Да ты сестру-царицу не кори!

САЛТЫКОВЪ.

Я не корю ее! А все-жь она
Не первая царица, а седьмая!
Вишь, царскій шуринъ! Мало-ли шурьевъ
Перебывало у царя!

ЗАХАРЪИНЪ.

Бояре!

Что вы чините? Вспомните гдѣ вы!
Гораздо-ль такъ чинить?

НАГОЙ.

Царю я буду,
Въ отечествѣ и въ счетѣ бить челомъ!

САЛТЫКОВЪ.

Ну, бей челомъ! пусть выдастъ головою
Онъ мнѣ тебя!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Да полноте, бояре!
Вотъ я да Шереметевъ, всѣхъ мы больше,
А о мѣстахъ не споримъ!

ГОЛОСА.

Насъ вы больше?
А чѣмъ вы больше насъ?

ЗАХАРЪИНЪ.

Стыдъ вамъ, бояре!
(Къ Мстиславскому).
Ты, князь Иванъ Ѳеодорычъ, ты старшій —
Уйми же ихъ!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Какъ ихъ унять, бояринъ?
Съ ума сошли! Вишь, со Мстиславскими
Хотятъ считаться! Не велѣтъ-ли дьяку
Разрядныя намъ книги принести?

ЗАХАРЪИНЪ.

Теперь не до разрядовъ, князь!
(Выступаетъ впередъ),
Бояре!

Иль вы забыли, для чего мы здѣсь?
Возможно-ль? Какъ? Въ теперешнюю пору,
Когда, свершивъ сыноубійство, царь
Терзается раскаяньемъ, когда
Отъ міра онъ рѣшился отойти,
И мимо своего втораго сына,

Оеодора, его болѣзни ради,
Намъ указаль достойнѣйшаго выбрать,
Кому-бъ онъ могъ державу передать —
Когда межъ тѣмъ враги со всѣхъ сторонъ
Воюють Русь — кругомъ и морь и голодъ —
Вы въ самую ту пору о мѣстахъ
Тягаетесь? Опомнитесь, бояре!
Теперь должны мы каждый другъ за друга
Держаться крѣпко, да не сгинетъ Русь!
Забудемте-жь разряды! Безъ расчетовъ
Къ прискорбному приступимъ избиранью
И будемте безъ мѣсть!

БѢЛЬСКІЙ.

Безъ мѣсть, пожалуй!

ВСѢ.

Безъ мѣсть! Безъ мѣсть!

ЗАХАРЪИНЪ.

Бояринъ, князь Мстиславскій!

Ты старшій — открывай совѣтъ!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Бояре!

Вы слышали, что вамъ сейчасъ Никита
Романовичъ сказалъ? Какъ намъ ни горько —
А покориться надо царской волѣ!
Пойдемъ на голоса!

ШУЙСКІЙ.

Позволь, бояринъ —

Послѣднее-ль то слово государя?

МСТИСЛАВСКІЙ.

Послѣднее! Напрасно мы его
Молили. Онъ намъ указалъ, немедля,
Постановить нашъ приговоръ и съ новымъ
Къ нему явиться государемъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Страшно!

ГОЛИЦЫНЪ.

Не вѣрится!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Не вѣрилось и мнѣ,

Пока не топнулъ онъ на насъ ногою
И не велѣлъ мнѣ думу собирать.

ШУЙСКІЙ.

Когда его такая воля — что-жь?

ЩЕРБАТЫЙ.

Да, если такъ, бояре — мы не властны
Ему перечить!

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Подлинно не властны!

ТАТИЩЕВЪ (старикъ).

Тому о Пасхѣ будетъ двадцать лѣтъ,
Великій государь задумалъ то же;
Хотѣлъ, какъ нынѣ, бросить свой престоль
И въ Слободу отъѣхалъ отъ Москвы.
Народъ мутиться началъ; мы-жь рѣшили
Всѣмъ ѣхать за царемъ, просить его.
Поѣхали. Царь принялъ насъ сурово;

Сначала слушать не хотѣлъ; потомъ
Моленьямъ внялъ, вернулся на Москву
И снова принялъ государство.

СИЦКІЙ.

Да!

И учинилъ опричнину! Мы помнимъ!

ТАТИЩЕВЪ.

Ужасное, не приведи Богъ, время!
Но безъ царя еще-бы хуже было:
Народъ-бы насъ камнями побилъ,
Вся Русь-бы замутилась, и татары,
И ляхи насъ, и нѣмцы-бъ одолѣли —
Согласья вовсе не было межъ насъ!

СИЦКІЙ.

Завидное теперь межъ насъ согласие!

ШУЙСКІЙ (къ Татищеву).

Къ чему-жь ты рѣчь, бояринъ, вель?

ТАТИЩЕВЪ.

Къ тому,

Что, можетъ быть, и нынѣ, какъ въ ту пору,
Царь государь смягчится.

МСТИСЛАВСКІЙ.

Нѣтъ, бояринъ,

Теперь другое время — царь не тотъ.
Онъ опустился плотію и духомъ;
Не мнѣнье на бояръ, какъ было прежде —
Раскаянье его съ престола гонить!

БЪЛЬСКІЙ.

Не ѣсть, не пьеть, давно не знаетъ сна;
О тѣхъ переговорахъ, что такъ тайно
Онъ съ англійскою королевою велъ,
Ужъ рѣчи нѣтъ. Посоль ея теперь
Напрасно просить у него пріема.

ЗАХАРЪИНЪ.

Да, не похожъ онъ на себя теперь!
До этого грѣха недѣли за три
Онъ къ Курбскому, къ измѣннику, писалъ,
Кориль его жестоко, и отвѣта
Ждалъ изъ Литвы, а самъ дрожалъ отъ гнѣва;
Теперь-же позабылъ онъ и о Курбскомъ,
И кротокъ сталъ и милостивъ въ рѣчахъ.

ШУЙСКІЙ.

Не намъ царю указывать. Отъ Бога
Его и гнѣвъ и милость. Что-жъ, бояре?
Приступимъ къ избиранию!

ВСЪ.

Приступимъ!
(Молчаніе)

МСТИСЛАВСКІЙ.

Кого-жъ бояре?

НАГОЙ.

Да кого-жъ другаго,
Коль миновать мы Ѳедора должны,
Кого-жъ еще, какъ не царева-жъ сына,
Димитрія Иваныча?

МСТИСЛАВСКІЙ.

Младенца?

НАГОЙ.

А мать на что? Царица-то на что?
Когда же съ васъ сестры-царицы мало —
Правителя придать ей!

САЛТЫКОВЪ.

Не тебя-ли?

НАГОЙ.

Меня-ли, брата-ль, все равно — мы оба
Димитрію дядья!

САЛТЫКОВЪ.

Да намъ не дядьки!

ТАТИЩЕВЪ.

Избави Богъ! Мы помнимъ малолѣтство
Царя Ивана! Отъ дядьевъ царевыхъ
Избави Богъ!

ШУЙСКІЙ,

Не приведи Господь!

ЗАХАРЪИНЪ.

Не приведи! Намъ нуженъ властный царь,
А не опека надъ царемъ!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Вѣстимо!

И самъ Иванъ Васильичъ указаль,
Чтобъ изъ себя мы выборъ учинили.

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Кого жъ тогда?

ЩЕРБАТЫЙ.

Да ужъ кого ни взять,
Онъ долженъ быть породы знаменитой,
Чтобъ всѣ склонились передъ нимъ,

СИЦКІЙ.

Нѣтъ, князь!
Пусть тотъ царить, кто доблестнѣй насъ всѣхъ!
Его искать недалеко; Никита
Романовичъ Захарьинъ передъ вами!

(Говоръ).

У царскаго кроваваго престола
Онъ тридцать лѣтъ стоитъ и чистъ и бѣлъ.
Онъ смѣлымъ словомъ тысячи безвинныхъ
Спасалъ не разъ, когда уже надъ ними
Подъятые сверкали топоры.
Себя-жъ онъ не берегъ. Всегда онъ смерти
Глядѣлъ въ глаза — смерть намъ всѣмъ на диво,
Его главы почтенной не коснулась —
И стелется предъ нами жизнь его
Безъ пятнышка, какъ снѣжная равнина!

ГОЛОСА.

Захарьина! Захарьина! Никиту
Романыча! Захарьина на царство!

ТРУБЕЦКОЙ (къ Сицкому).

Кто противъ этого! бояринъ чистъ!
Корить его не станемъ. По заслугамъ
И честь ему мы воздаемъ; но онъ
Не княжескаго рода — быть подъ нимъ
Невмѣстно намъ, потомкамъ Гедимина!

ШУЙСКІЙ.

Намъ и подавно, Рюрика потомкамъ!

ГОЛИЦЫНЪ.

Нѣтъ, онъ не князь — намъ быть подь нимъ негоже!

САЛТЫКОВЪ.

Не князь онъ, правда — но съ царемъ въ свойствѣ!

НАГОЙ.

Не онъ одинъ! Съ царемъ въ свойствѣ и мы!

САЛТЫКОВЪ.

Ты братъ седьмой жены, Захарьинъ — первой!

ЗАХАРЪИНЪ.

Изъ-за меня не спорьтеса. бояре!
Благодарю тебя за честь, князь Сицкій,
(Кланяется нѣкоторымъ).

Благодарю и васъ, бояре, но
Я чести бы не принялъ, хоть и всѣ бъ вы
Меня хотѣли, я-бъ не принялъ чести!
Я слишкомъ простъ, бояре! Не сподобилъ
Меня Господь науки Государской.
А коль хотите добраго совѣта,
То есть одинъ, который и породой
И службою насъ будетъ выше всѣхъ:
Бояринъ, воевода, князь Иванъ
Петровичъ Шуйскій, что теперь сидить
Во Псковѣ противъ короля Батура —
Вотъ вы кого возьмите! Передъ этимъ
Склониться не обидно никому!

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Нѣтъ, Шуйскаго нельзя! Король не даромъ

Ужь пятый мѣсяць осаждаетъ Псковъ!
А воевода князь Иванъ Петровичъ
Засѣлъ въ немъ на-смерть, и на томъ онъ крестъ
Со всей своей дружиной цѣловаль.
Богъ-вѣсть на сколько времени еще
Продлится облежанье; мы-жъ не можемъ
И часу оставаться безъ царя!

ШУЙСКІЙ.

Такъ какъ же быть?

МСТИСЛАВСКІЙ.

Не вѣдаю, бояре!

ШУЙСКІЙ.

Царь ждетъ отвѣта — надо кончить выборъ!

ЗАХАРЪИНЪ (къ Годунову).

Борисъ Θεодорычъ! Ты что-жъ доселѣ
Не вымолвилъ ни слова? Въ трудномъ дѣлѣ
Ты выручалъ насъ часто изъ бѣды —
Скажи, какъ мыслишь?

ГОДУНОВЪ (встаетъ).

Мнѣ-ль, отецъ названный,

Мнѣ-ль говорить теперь, когда исхода
Напрасно ищутъ лучшіе изъ васъ?
Но если вы мнѣ рѣчь вести велите,
То я скажу, бояре...

ГОЛОСА.

Громче! Громче!

Не слышно!

ГОДУНОВЪ.
Мнѣ казалось бы, бояре...

ГОЛОСА.
Не слышимъ! Громче!

ЗАХАРЬИНЪ.
Да зачѣмъ ты сѣлъ
Такъ далеко и ниже всѣхъ, Борисъ?
Иль мѣста ты не знаешь своего?
Не слышно намъ! Ступай сюда, поближе!
(Беретъ его за руку и подводитъ
къ средней лавкѣ).
Вотъ гдѣ тебѣ приходится сидѣть!

ГОДУНОВЪ (кланяется на всѣ стороны).
Бояре, вы великихъ предковъ внуки!
И ты, названный мой отецъ, Никита
Романовичъ, наставникъ мой любезный!
Я-бъ не дерзнулъ мое вамъ молвить слово,
Когда бъ вы сами мнѣ не приказали!

САЛТЫКОВЪ.
Куда онъ гнетъ?

НАГОЙ.
Хвостомъ вертитъ, лисица!

САЛТЫКОВЪ.
А забрался таки на середину!

НАГОЙ.
Небось, онъ даромъ на концѣ сидѣлъ!

ГОЛОСА.

Тс! Тише! Смирно! Слушать Годунова!

ГОДУНОВЪ.

Вамъ вѣдомо, великіе бояре,
Какія на Руси теперъ настали
Крутыя времена: король Батуръ
За городомъ у насъ воюетъ городъ;
Въ его рукахъ Усвятъ, Велижъ и Полоцкъ;
Великихъ Лукъ ужъ взорваны имъ стѣны,
И древній Псковъ, нашъ кровный русскій городъ,
Безчисленнымъ онъ войскомъ обложилъ.
Межъ тѣмъ въ Ливонію ворвался шведъ,
Завоевалъ Иванъ-городъ, Копорье;
А тамъ съ востока и съ полудня ханъ
Опять орду вздымаетъ; сотни тысячъ
Уже идутъ на Тулу и Рязань;
Болѣзни, голодъ, моръ — а въ довершенье,
Намъ черемисы мятежомъ грозятъ!

Бояре, можно-ль при такой невзгодѣ,
При горестномъ шатаньи всей Руси,
О перемѣнѣ думать государя?
Положимъ, вы такого-бъ и нашли,
Который былъ бы по сердцу всей думѣ —
Увѣрены-ли вы, что и народъ
Его захочетъ? что угоденъ будетъ
Онъ всей землѣ? А если невзначай
Начнутся смуты? Что тогда, бояре?
Довольно ли строенья между насъ,
Чтобы врагамъ и внутреннимъ и внѣшнимъ
Противостать и дружный дать отпоръ?

Великая въ обычаѣ есть сила;
Привычка людямъ — бичъ, или узда;
Каковъ ни будь наслѣдственный владыко,
Охотно повинуются ему;

Сильнѣе онъ и въ смутную годину,
Чѣмъ въ мирную новоизбранный царь.
Полвѣка будетъ, что Иванъ Василичъ
Надъ нами государить. Гнѣвъ и милость
Смѣнялись часто въ этотъ длинный срокъ,
Но глубоко въ сердца вросли корни
Привычка безусловнаго покорства
И долгій трепеть имени его.
Бояре! Намъ твердыня это имя!
Мы держимся лишь имъ. Давно отвыкли
Собой мы думать, дѣйствовать собой;
Мы цѣлаго не составляемъ тѣла;
Та власть, что насъ на части раздробила,
Она жъ одна и связываетъ насъ;
Исчезни власть — и тѣло распадется!
Единое спасенье намъ, бояре,
Идти къ царю немедля, всею думой,
Соборомъ цѣлымъ пасть къ его ногамъ
И вновь молить его, да не оставитъ
Престола онъ и да поддержитъ Русь!

ГОВОРЪ.

Онъ дѣло говоритъ! — Мы безъ Иванъ
Василича пропали! — Лучше прямо
Идти къ нему! — онъ Государь законный! —
Подъ нимъ не стыдно! — Да! Идти къ нему!
Просить его! — Просить его всей думой!

СИЦКІЙ.

Бояре! Бога ли вы не боитесь?
Иль вы забыли, кто Иванъ Василичъ?
Что значуть нѣмцы, ляхи и татары
Въ сравненьи съ нимъ? Что значуть моръ и голодъ,
Когда самъ царь ничто какъ лютей звѣрь!

ШУЙСКІЙ.

Что онъ понесъ? Да онъ царя безчестить!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Князь Петръ Ильичъ! Да ты съ ума сошелъ!

СИЦКІЙ.

Не я, а ты, вы всѣ ума лишились!
Иль есть изъ васъ единый, у кого бы
Не умертвилъ онъ брата, иль отца,
Иль матери, иль ближняго, иль друга?
На васъ смотрѣть, бояре, тошно сердцу!
Я бы не сталъ васъ подымать, когда бы
Онъ самъ съ престола не хотѣлъ сойти —
Не хуже васъ писаніе я знаю —
Я не на бунтъ зову васъ — но онъ самъ,
Самъ хочеть перестать губить и рѣзать,
Постричься хочеть, чтобы наконецъ
Вздохнула Русь — а вы просить его
Сбираетесь, чтобъ онъ подолѣ рѣзалъ!

ГОДУНОВЪ.

Князь, про царя такія рѣчи слышать
Не гоже намъ. Ты молвилъ сгоряча —
Доносчиковъ не чаю между нами —
Тебѣ жъ отвѣчу: выбора намъ нѣтъ!
Изъ двухъ грозящихъ золь кто усомнится
Взять меньшее? Что лучше: видѣть Русь
Въ рукахъ враговъ? Москву въ плѣну у хана
Церквей, святыней поруганье? — или
По прежнему съ покорностью сносить
Владыку Богомъ даннаго? Ужели
Намъ наши головы земли дороже?
Еще скажу: великій государь
Быль, правда, къ намъ немилостивъ и грозень;

Но время то прошло; ты слышалъ, князь,
Онъ умиллся сердцемъ, сталъ не тотъ,
Сталъ милостивъ; и если онъ опять
Приметь государство — не землѣ,
Ея врагамъ онъ только будетъ страшень!

ГОЛОСА.

Такъ! Такъ! Онъ правъ! Онъ дѣло говоритъ!

СИЦКІЙ.

Бояринъ, ты сладкорѣчивъ, я знаю!
Ты хитростнымъ умѣешь языкомъ
Позолотить все, что тебѣ пригодно!
Вѣстимо: ты утратить власть боишься,
Когда другой на мѣсто Іоанна
Возьметъ вѣнецъ! Бояре, берегитесь:
Онъ мягко стелеть — жестко будетъ спать!

ГОДУНОВЪ.

Бояре всѣ! свидѣтельствуюсь вами —
Не заслужилъ я этого упрека!
Вамъ вѣдомо, что власти не ищущу я.
Я говорилъ по вашей волѣ нынѣ —
Но, можетъ быть, я и не правъ, бояре;
Меня князь Сицкій старше и умнѣй;
Когда вы съ нимъ согласны, я готовъ
Признать царемъ боярина Никиту
Романыча, или кого велите!

ГОЛОСА.

Нѣтъ, не хотимъ Захарыина! Не надо!

ГОДУНОВЪ.

Иль, можетъ быть, Мстиславскаго, бояре?

ГОЛОСА.

Нѣтъ, не хотимъ! И сами мы не меньше
Мстиславскаго!

ГОДУНОВЪ.

Иль Шуйскаго, бояре?

ГОЛОСА.

И Шуйскаго не надо! Быть подъ Шуйскимъ
Мы не хотимъ! Хотимъ царя Ивана!

СИЦКІЙ.

Идите-же! Идите всѣ къ нему!
Идите въ бойню, какъ баранье стадо!
Мнѣ дѣлать болѣ нечего межъ васъ!
(Уходитъ).

ГОЛОСА И КРИКИ.

Онъ бунтовщикъ! Онъ оскорбилъ всю думу!
Онъ противъ всѣхъ идетъ! Онъ всѣмъ досадчикъ!

ГОДУНОВЪ.

Не гнѣвайтесь на него, бояре!
Онъ говорилъ какъ мыслилъ. Если жъ вы
Рѣшили въ мудрости своей, всей думой
Идти къ царю — пойдемъ, не надо мѣшкать!

ЗАХАРЪИНЪ.

Когда бы не шатаніе земли,
Не по-сердцу была-бъ мнѣ эта мѣра,
Но страшно нынѣ потрясать престолъ.
Пойдемъ къ царю — другаго нѣтъ исхода!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Кто-жъ будетъ рѣчь вести?

ЗАХАРЪИНЪ.

Да ты, бояринъ;
Кому-жь другому? Ты межъ нами старшій!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Неловко мнѣ! сегодня на меня
И безъ того разгнѣвался ужъ царь.

ГОЛОСА.

Пусть Шуйскій говоритъ!

ШУЙСКІЙ.

И мнѣ неловко!

ЗАХАРЪИНЪ.

Пожалуй, я рѣчь поведу, бояре!
Мнѣ гнѣвъ его не страшень — мнѣ страшна
Земли погибель!

ГОДУНОВЪ.

Нѣтъ, отецъ названный!
Не допущу тебя я до опалы!
Дай мнѣ вести предъ государемъ рѣчь —
Меня не жаль!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Пойдемте-жь! Годуновъ
Рѣчь поведеть; онъ всѣхъ насъ лучше скажетъ!
(Всѣ бояре встаютъ и уходятъ за Мстиславскимъ).

САЛТЫКОВЪ (уходя къ Голицыну).

А Сицкій-то былъ правъ! Вѣдь Годуновъ
Такъ и глядитъ какъ бы взобратъся въ-гору!

ГОЛИЦЫНЪ.

Сѣлъ ниже всѣхъ, а подѣ конецъ сталъ первый!

ШЕРЕТЕВЪ.

А говорили: быть безъ мѣсть!

ТРУБЕЦКОЙ.

Дай срокъ!

И скоро всѣхъ татаринъ пересядеть!

(Уходятъ).

Царская опочивальня, Иоаннъ, бѣдный, изнуренный, одѣтый въ черную рясу сидитъ въ креслахъ, съ четками въ рукахъ. Возлѣ него, на столѣ, мономахова шапка; съ другой стороны, на скамѣ, полное царское облаченіе. Григорій Нагой подаетъ ему чару.

НАГОЙ.

О, государь! Не откажись хоть каплю
Вина испить! Вотъ ужъ который день
Себя ты изнуряешь! Ничего ты
И въ ротъ не бралъ!

ЮАННЪ.

Не надо пищи тѣлу,

Когда душа упитана тоской.
Отнынѣ мнѣ раскаяніе пища!

НАГОЙ.

Великій Государь! Ужели вправду
Ты насъ покинуть хочешь? Что же будетъ
Съ царицею? Съ царевичемъ твоимъ
Съ Димитріемъ?

ІОАННЪ.

Господь ихъ не оставить!

НАГОЙ.

Но кто-жь съумѣеть государствомъ править,
Опричь тебя?

ІОАННЪ.

Острупился мой умъ;

Изныло сердце; руки неспособны
Держать бразды; ужъ за грѣхи мои
Господь послалъ поганымъ одолѣнье,
Мнѣ-жь указалъ престоль мой уступить
Другому; беззаконія мои
Песка морскаго паче: сыроядецъ —
Мучитель — блудникъ — церкви оскорбитель —
Долготерпѣнья божьяго пучину
Послѣднимъ я злодѣйствомъ истощилъ!

НАГОЙ.

О, Государь! Ты въ мысли умножаешь
Невольный грѣхъ свой! Не хотѣлъ убить ты
Царевича! Нечаянно твой посохъ
Такой ударъ ему нанесъ!

ІОАННЪ.

Неправда!

Нарочно я, съ намѣреніемъ, съ волей,
Его убилъ! Иль изъ ума я выжилъ,
Что ужъ и самъ не зналъ, куда колоть?
Нѣтъ — я убилъ его нарочно! Навзничъ
Упалъ онъ, кровью обливаясь; руки
Мнѣ лобызалъ, и умирая, грѣхъ мой
Великій отпустилъ мнѣ, но я самъ
Простить себѣ злодѣйства не хочу!

(Таинственно).

Сегодня ночью онъ являлся мнѣ,
Манилъ меня кровавою рукою,
И схиму мнѣ показывалъ и звалъ
Меня съ собой, въ священную обитель
На Бѣломъ озерѣ, туда, гдѣ мощи
Покоятся Кирилла Чудотворца.

Туда и прежде иногда любилъ я
Отъ треволенья міра удаляться;
Любилъ я тамъ, вдали отъ суеты,
О будущемъ покоѣ помышлять,
И забывать людей неблагодарность
И злыя козни недруговъ моихъ!
И умирительно мнѣ было въ кельѣ
Отъ долгаго стоянья отдыхать,
Въ вечерній часъ слѣдить за облаками,
Лишь вѣтра шумъ да чаекъ слышать крики,
Да озера однообразный плескъ.
Тамъ тишина! Тамъ всѣхъ страстей забвенья!
Тамъ схиму я прииму и, можетъ быть,
Молитвою, пожизненнымъ постомъ
И долгимъ сокрушеньемъ заслужу я
Прощенье окаянству моему!

(Помолчавъ).

Поди, узнай, зачѣмъ такъ долго длится
Ихъ совѣщанье? Скоро-ли они
Свой постановятъ приговоръ и съ новымъ
Царемъ прійдутъ, да возложу, не медля,
Я на него и бармы и вѣнецъ!

(Нагой уходитъ).

Все кончено! Такъ вотъ куда приводитъ
Меня величья длинная стезя!
Что встрѣтилъ я на ней? Одни страданья!
Отъ младости не вѣдая покоя,
То на конѣ, подъ свистомъ вражьихъ стрѣлъ,

Языцей покоряя, то въ синклитѣ,
Сражаясь съ боярскимъ мятежемъ,
Лишь длинный рядъ я вижу за собою
Ночей безсонныхъ и тревожныхъ дней!

Не кроткимъ былъ я властелиномъ — нѣтъ!
Я не умѣлъ обуздывать себя!
Отецъ Сильвестръ, наставникъ добрый мой,
Мнѣ говорилъ: «Иване, берегись!
«Въ тебя вселиться хочетъ сатана!
«Не отвержай души ему, Иване!»
Но я былъ глухъ къ рѣчамъ святаго старца
И душу я діаволу отверзъ!
Нѣтъ, я не царь! я волкъ! я песь смердящій!
Мучитель я! Мой сынъ, убитый мною!
Я Каина злодѣйство превзошелъ!
Я прокаженъ душой и мыслью! Язвы
Сердечныя бесчисленны мои!

О, Христе-Боже! Исцѣли меня!
Прости мнѣ, какъ разбойнику простилъ Ты!
Очисти мя отъ несказанныхъ скверней
И ко блаженныхъ лику сочитай!

(Нагой поспѣшно возвращается).

НАГОЙ.

Великій государь! Сейчасъ отъ Пскова
Прибыль гонецъ!

ЮАННЪ.

Ужъ я не государь —
Пусть обратится къ новому владыкѣ!

НАГОЙ.

Онъ говоритъ, что съ радостною вѣстью
Его прислалъ князь Шуйскій!

ІОАННЪ.

Пусть войдетъ!
(Нагой выпускаетъ гонца).

ГОНЕЦЪ.

Великій царь! Тебѣ твой воевода
Бояринъ князь Иванъ Петровичъ Шуйскій
Съ сидѣльцами псковскими бьетъ челомъ!
Усердными молитвами твоими,
Предстательствомъ угодниковъ святыхъ
И силой честнаго креста — отбили
Мы приступъ ихъ. Несмѣтное число
Легло враговъ. За помощью въ Варшаву
Бѣжалъ король, а продолжать осаду
Онъ ближнимъ воеводамъ указалъ!

ІОАННЪ.

Благословенъ Господь! Какъ было дѣло?

ГОНЕЦЪ.

Ужъ пять недѣль они вели подкопы,
Копали борозды и неумолчно
Изъ пушекъ били по стѣнамъ! Князь Шуйскій
Навстрѣчу имъ подкопы рыть велѣлъ.
Сошлись подъ землею. Бой великій
Тамъ закипѣлъ; въ котлы пороховые
Успѣли наши бросить огонь — и разомъ
Взлетѣли съ ляхами на воздухъ. Много
Погибло нашихъ, но, хвала Творцу,
Всѣ вражьи взорваны работы.

ІОАННЪ.

Дальше!

ГОНЕЦЪ.

Подземныхъ ходовъ видя неудачу,
Они тогда свезли на ближній холмъ
Всѣ стѣнобойные снаряды вмѣстѣ,
И къ вечеру проломъ пробили. Тотчасъ
Къ нему мы подкатили пушки: *Барсу*
И *Трескотуху*, и когда они
Ужъ устремились съ криками къ пролому,
Мы встрѣтили ихъ крупнымъ чугуномъ
И натискъ ихъ отбили.

ЮАННЪ.

Дальше!

ГОНЕЦЪ.

Къ утру

Великій приступъ приказалъ король,
Мы жъ въ колоколь ударили осадный,
Соборомъ всѣмъ, хоругви распустя,
Святыя мощи Всеволода князя
Вкругъ древнихъ стѣнъ съ молитвой обнесли
И ляховъ ждали. Гулъ такой раздался,
Какъ будто налетѣла непогода...
Мы встрѣтили напорѣ со всѣхъ раскатовъ,
Съ костровъ, со стѣнъ, съ быковъ, съ обломовъ, съ
башень,

Посыпались на нихъ кувшины зелья,
Каменя, бревна и горящій ленъ.....
Уже они слабѣли — вдругъ король
Межъ нихъ явился, самъ повелъ дружины —
И какъ вода шумящая на стѣны
Ихъ сила снова полилась. Напрасно
Мы отбивались бердышами — башню
Свинарскую обсыпали литовцы —
Какъ муравьи полѣзли — на зубцахъ

Схватились съ нами — новыя ватаги
За ними лѣзли — долго мы держались —
Но наконецъ...

ІОАННЪ.

Ну?

ГОНЕЦЪ.

Наконецъ они
Сломали насъ и овладѣли башней!

ІОАННЪ.

Такъ вотъ вы какъ сдержали цѣлованье?
Клятвопреступники! Хриstopродавцы!
Что дѣлалъ Шуйскій?

ГОНЕЦЪ.

Князь Иванъ Петровичъ,
Увидя башню полною враговъ,
Своей рукой схватилъ зажженный свѣточъ
И въ подземелье бросилъ. Съ громомъ башня
Взлетѣла вверхъ — и каменнымъ дождемъ
Далеко стань засыпала литовскій.

ІОАННЪ.

На силу-то! Что дальше?

ГОНЕЦЪ.

Этотъ приступъ.
Послѣдній былъ. Король ушелъ отъ Пскова,
Замойскому осаду передавъ.

ІОАННЪ.

Хвала Творцу! Я вижу надо мною
Всесильный промыслъ божій. Ну, король?

Не мнилъ ли ты ужъ совладать со мною,
Со мною, божьей милостью владыкой,
Ты, милостію панскою король?
Посмотримъ, какъ ты о псковскія стѣны
Бодливый лобъ свой разшибешь? А сколько
Литовцевъ полегло?

ГОНЕЦЪ.

Примѣрнымъ счетомъ,
Убитыхъ будетъ тысячъ до пяти,
А раненыхъ и вдвое.

ІОАННЪ.

Что, король?
Доволенъ ты уплатою моею
За Полоцкъ и Велижъ? а сколько ихныхъ
Съ начала облежанія убито?

ГОНЕЦЪ.

Въ пять приступовъ убито тысячъ съ двадцать,
Да нашихъ тысячъ до семи.

ІОАННЪ.

Довольно
Осталось васъ. Еще разъ на пять хватитъ!
(Входитъ стольникъ).

СТОЛЬНИКЪ.

Великій царь...

ІОАННЪ.

Что? Конченъ ихъ совѣтъ?

СТОЛЬНИКЪ (подавая письмо).

Одинъ врагами полоненный ратникъ

Съ письмомъ отпущенъ къ милости твоей.

ІОАННЪ.

Подай сюда!

(Къ Нагому).

Читай его, Григорій.

(Стольникъ уходитъ).

НАГОЙ (развертываетъ и читаетъ).

«Царю всея Русіи Іоанну

«Отъ князь Андрея, князь Михайлы сына...

ІОАННЪ.

Что? Что?

НАГОЙ (смотритъ въ письмо).

«Отъ князь Михайлы сына Курб....»

ІОАННЪ.

Отъ Курбскаго! А! На мое посланье

Отвѣтъ его мнѣ милость посылаетъ!

(Къ гонцу).

Ступай!

(Къ Нагому).

Прочти!

НАГОЙ.

Но, государь...

ІОАННЪ.

Читай!

НАГОЙ (читаетъ).

«Отъ Курбскаго, подвластнаго когда-то

«Тебѣ слуги, теперь короны польской

«Владѣтельнаго Ковельскаго князя,
«Поклонѣ. Внимаи моимъ словамъ...»

ІОАННЪ.

Ну? Что же?

НАГОЙ.

Не смѣю, государь!

ІОАННЪ.

Читай!

НАГОЙ (продолжаетъ читать).

«Нелѣпый

«И широковѣщательный твой листъ
«Я вразумилъ. Превыше божьихъ звѣздъ
«Гордынею своею возносяся,
«И самъ же фарисейски унижаяся,
«Въ измѣнахъ ты небытныхъ насъ винишь.
«Твои слова, о царь, достойны... смѣху...
«Твои упреки...»

ІОАННЪ.

Ну? «Твои упреки?»

НАГОЙ.

«Твои упреки — басни пьяныхъ бабъ!
«Стыдился бѣ ты такъ грубо и нескладно
«Писать въ чужую землю, гдѣ немало
«Искусныхъ есть въ риторикѣ мужей!
«Непрошенную жъ исповѣдь твою
«Невмѣстно мнѣ и краемъ уха слышать!
«Я не пресвитеръ, но въ чину военномъ
«Служу я государю моему,
«Пресвѣтлому, вельможному Стефану,

«Великому земли Литовской князю
«И польскаго шляхетства королю.
«Благословенъемъ божимъ мы взяли
«Ужь у тебя Велижь, Усвятъ и Полоцкъ,
«А скоро взять надѣмся и Псковъ.
«Гдѣ всѣ твои минушія побѣды?
«Гдѣ мудрые и свѣтлые мужи,
«Которые тебѣ своею грудью
«Твердыни брали и тебѣ Казань
«И Астрахань подъ ноги покорили?
«Ты всѣхъ избилъ, изрѣзалъ и измучилъ,
«Твои войска, безъ добрыхъ воеводъ,
«Подобнымъ безпастырному стаду,
«Бѣгутъ отъ насъ. Ты понялъ-ли, о, царь,
«Что всѣ твои шуты и скоморохи
«Не замѣняютъ замученныхъ вождей?
«Ты понялъ-ли, что въ машкерахъ плясанье
«И афродитскія твои дѣла
«Не все равно, что битвы въ чистомъ полѣ?
«Но ты о битвахъ, кажется, не мыслишь?
«Свое ты войско бросилъ...

ІОАННЪ.

Продолжай!

НАГОЙ.

«Свое ты войско бросилъ... какъ бѣгунъ...
«И дома заперся какъ хороняка...
«Тебя, должно быть, злая мучить совѣсть
«И память всѣхъ твоихъ безумныхъ дѣлъ...
«Войди жъ въ себя! А чтобъ...

ІОАННЪ.

Ну, что же?

Дальше!

«А чтобъ?»... Читай!

НАГОЙ.

«А чтобъ свою ты дурость

«Уразумѣль и духомъ бы смирился,
«Двѣ *эпистолии* тебѣ я шлю
«Отъ Цицерона, римскаго витіи,
«Къ его друзьямъ, ко Клавдію и къ Марку.
«Прочти ихъ на досугѣ, и да будетъ
«Сіе мое смиренное посланье
«Тебѣ...

ІОАННЪ.

Кончай!

НАГОЙ.

О, государь!

ІОАННЪ.

«Да будетъ

«Сіе мое смиренное посланье»...

НАГОЙ

«Тебѣ лозой полезно! Аминь!»

(При послѣднихъ словахъ Нагаго, Иоаннъ вырываетъ у него письмо, смотритъ въ него и начинаетъ мять бумагу. Его дергаютъ судороги).

ІОАННЪ.

За безопаснымъ сидя рубежомъ,
Ты лаешься какъ песь изъ-за ограды!
Изъ рукъ моихъ ты не изволилъ, княже,
Пріять вѣнецъ мгновенныхъ мукъ земныхъ
И вѣчное наслѣдовать блаженство!

Но не угодно ль милости твоей
Пожаловать въ Москву и мнѣ словесно
То высказать, что ты писать изволишь?

(Озирается).

И нѣту здѣсь ни одного изъ тѣхъ,
Которые съ нимъ мыслили? Ни брата —
Ни свояка — ни зятя — ни холопа!
Нѣтъ никого! Со всѣми я покончилъ —
И молча, долженъ проглотить его
Ругательства! Нѣтъ никого въ запасѣ!

(Входитъ стольникъ).

СТОЛЬНИКЪ.

Великій государь! Къ тебѣ бояре
Пришли изъ думы всѣмъ соборомъ!

ЮАННЪ.

А!

Добро пожаловать! Они пришли
Меня смѣнять! Обрадовались, чай!
Долой отжившаго царя! Пора-де
Его какъ вѣтошь старую закинуть!
Ужъ веселятся, чай, воображая,
Какъ изъ дворца по Красному Крыльцу
Съ котомкой на плечахъ сходить я буду!
Изъ милости, пожалуй, Христа ради,
Кафтанишко они оставятъ мнѣ!
Посмотримъ же, кому пришлось мѣсто
Мнѣ уступать? Прошу бояръ войти!

(Стольникъ выходитъ).

Во истину! Что имъ за государь я?
Подъ этой ли монашескою рясой
Узнать меня? Ужъ я ихъ отучилъ
Передъ вѣнчаннымъ трепетать владыкой!
Какъ пишетъ Курбскій? Войско-де я бросилъ?

И сталь смѣшонъ? И ужъ пишу нескладно?
Какъ пьяная болтаю баба? Такъ-ли?
Посмотримъ же, кто ихъ премудрый царь,
Который заживо взялся по мнѣ
Наслѣдовать?

(Входятъ бояре).

Бью вамъ челомъ, бояре!

Довольно долго совѣщались вы;
Но наконецъ вы приговоръ вашъ думный
Постановили, и конечно мнѣ
Преемника назначили такого,
Которому не стыдно сдать престолъ?
Онъ, безъ сомнѣнья, родомъ знаменитъ?
Не меньше насъ? умомъ же, ратнымъ духомъ,
И благочестіемъ и милосердьемъ
Насъ и получше будетъ? — Ну, бояре?
Предъ кѣмъ я долженъ преклонить колѣна?
Предъ кѣмъ пасть ницъ? Передъ тобой-ли, Шуйскій,
Иль предъ тобой, Мстиславскій? Иль, быть можетъ,
Передъ тобой, бояринъ нашъ Никита
Романовичъ, враговъ моихъ заступникъ?
Отвѣтствуйте — я жду!

ГОДУНОВЪ.

Великій царь!

Твоей священной покоряясь волѣ,
Мы совѣщались. Нашъ единодушный,
Ничѣмъ неотмѣнимый приговоръ
Мы накрѣпко постановили. Слушай!
Опричь тебя, надъ нами господиномъ
Никто не будетъ! Ты владыкой нашимъ
Доселѣ былъ — ты долженъ государить
И впредь. На этомъ головы мы наши
Тебѣ несемъ — казни насъ, или милуй!

(Становится на колѣни и всѣ бояре за нимъ).

ІОАННЪ (послѣ долгаго молчанія).
Такъ вы меня принудить положили?
Какъ плѣнника связавъ меня, хотите
Неволей на престолѣ удержатъ?

БОЯРЕ.

Царь-государь! Ты намъ дарованъ Богомъ!
Инаго мы владыки не хотимъ,
Опречь тебя! Казни насъ, или милуй!

ІОАННЪ.

Должно быть, вамъ мои пришлось бармы
Не по плечу? Вы тягость государства
Хотите снова на меня взвалить?
Оно-де такъ сподручнѣй?

ШУЙСКІЙ.

Государь!

Не оставляй насъ! Смилуйся надъ нами!

ІОАННЪ.

Свидѣтельствуюсь Богомъ — я не мнилъ,
Я не хотѣлъ опять надѣть постылый
Вѣнецъ мой на усталую главу!
Меня влекли другія помышленья,
Моя душа иныхъ искала благъ!
Но вы не такъ рѣшили. Кораблю,
Житейскими разбитому волнами,
Вы заградили пристань. Пусть же будетъ
По вашему! Я покоряюсь думѣ.
Въ неволѣ крайней, сей златой вѣнецъ
Беру опять и учиняюсь паки
Царемъ Руси и вашимъ господиномъ!

(Надѣваетъ Мономахову шапку).

БОЯРЕ (вставая).
Да здравствуетъ нашъ царь Иванъ Василичъ!

ЮАННЪ.

Подать мнѣ бармы!

(Надѣваетъ царское облаченіе).

Подойди, Борисъ!

Ты смѣло говорилъ. Въ закладъ поставилъ

Ты голову свою для блага царства.

Я дерзкую охотно слышу рѣчь,

Текущую отъ искренняго сердца!

(Цѣлуетъ Годунова въ голову и обращается къ боярамъ).

Второй ужъ разъ я, вопреки хотѣнью,

По приговору думы, согласился

Остаться на престолѣ. Горе-жъ нынѣ

Тому изъ васъ, кто надо мной что либо

Задумаетъ, иль поведетъ хлѣбъ-соль

Съ опальникомъ, или какое дѣло

Прошедшее мое, хотя келейно,

Посмѣетъ пересуживать, забывъ,

Что нѣсть судьи дѣламъ моимъ, бо нѣсть

Верховной власти, аще не отъ Бога.

(Озирается)

Я Сицкаго не вижу между вами?

ГОДУНОВЪ.

Не гнѣвайся, великій государь!

Прости безумнаго!

ЮАННЪ.

Что сдѣлалъ Сицкій?

ГОДУНОВЪ.

Онъ не хотѣлъ идти тебя просить.

ІОАННЪ.

Онъ не хотѣлъ? Смотри, какой затѣйникъ!
Вишь, что онъ выдумалъ! Когда вся дума,
Соборомъ всѣмъ просить меня рѣшила —
Онъ не хотѣлъ! Онъ, значить, за одно
Съ литовцами? И съ ханомъ Перекопскимъ?
И съ Курбскимъ? — Голову съ него долой!

ЗАХАРЪИНЪ.

Царь-государь! Дозволь тебѣ сегодня,
Для радостнаго дня, замолвить слово
За Сицкаго!

ІОАННЪ.

Ты поздно спохватился,
Мой старый шуринъ! Если ты хотѣлъ
Измѣнниковъ щадить — ты долженъ былъ
Самъ сѣсть на царство — случай былъ сегодня!
(Къ боярамъ).

Дать знать послу сестры Елисаветы,
Что завтра я глазъ-на-глазъ назначаю
Ему приѣмъ. Теперъ идемъ въ соборъ
Передъ Всевышнимъ преклонить колѣна!
(Уходитъ съ боярами).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Покой во дворцѣ Іоанна. Захарьинъ и Годуновъ.

ГОДУНОВЪ.

Ужь битый часъ онъ съ англійскимъ посломъ
Сидитъ одинъ. Приказъ онъ отдалъ строгій,
Чтобъ не впускали никого.

ЗАХАРЬИНЪ.

Борись!

Ужь не ошиблись-ли съ тобою мы?
Не кроткимъ онъ владыкой свой престолъ
Пріялъ опять.

ГОДУНОВЪ.

Что было дѣлать намъ!

ЗАХАРЬИНЪ.

Борись! Борись! Когда-бъ не вышло хуже,
Чѣмъ было прежде! Вѣдомо-ль тебѣ,
О чемъ они толкуютъ?

ГОДУНОВЪ.

Да, отецъ мой,

Хотя-бъ и радъ и былъ того не вѣдать:
Съ царицею царь хочетъ развестися
И сватаетъ себѣ черезъ посла
Племянницу великой королевы,
Хастинскую княжну.

ЗАХАРЬИНЪ.

Помилуй Богъ!

Осьмаго брака хочетъ онъ? Я вѣдалъ,
Что прежде преступленья своего,

Онъ помышлялъ объ этомъ, но теперь —
Теперь, когда едва лишь отказался
Отъ схимы онъ, теперь — не можетъ быть!
Ты точно-ль знаешь?

ГОДУНОВЪ.

Онъ мнѣ самъ сегодня

То объявилъ.

ЗАХАРЪИНЪ.

А ты что отвѣчалъ?

Сказалъ ли ты ему, что грѣхъ великій
Онъ затѣваетъ? Что въ его лѣта
При горестныхъ невзгодахъ государства,
Не о женитьбѣ думать, но о томъ
Какъ землю поддержать?

ГОДУНОВЪ.

Нѣтъ, мой отецъ.

ЗАХАРЪИНЪ.

Нѣтъ? Не сказалъ?

ГОДУНОВЪ.

Нѣтъ, мой отецъ — не время.

Онъ не забылъ, что свой вѣнецъ вчера
Хотѣлъ сложить. Отъ мысли, что онъ власти
Лишиться могъ, она ему теперь
Еще дороже стала, словно онъ
Какой ущербъ вознаградить въ ней ищетъ.
Все, что съ тобой, для блага государства
Черезъ него мы учинить хотѣли-бъ,
Теперь скрывать должны мы отъ него
И нашу мысль въ немъ зарождасть незримо,
Чтобы ее не нашей мыслью онъ,

Но собственной считалъ.

ЗАХАРЪИНЪ.

Ты правъ, Борисъ;
Его всегда ты сердце лучше вѣдалъ.
Чини-жь какъ знаешь, но во что-бъ ни стало,
Ты удержи его.

ГОДУНОВЪ.

И днемъ и ночью
Лишь объ одномъ, отецъ, я помышляю:
И какъ и чѣмъ удерживать его?
Но я ищу возможности напрасно —
Нѣтъ приступу къ нему!

ЗАХАРЪИНЪ.

Тогда, Борисъ,
Ошиблись мы! къ бѣдѣ насъ приведетъ
Его гордыня, если ты ее
Направить не съумѣешь.

ГОДУНОВЪ.

Дай совѣтъ мнѣ!

ЗАХАРЪИНЪ.

Не мнѣ тебѣ совѣтовать, Борисъ.
Тебя Господь искусствомъ одарилъ
И мудрости уклончивой сподобилъ.
Не даромъ ты снискалъ любовь цареву,
А отъ грѣховъ и темныхъ дѣлъ его
Остался чистъ. Храни-жь свое умънье
И дѣлай самъ. Лишь одного страшись:
Не забывай, что не себѣ ты служишь,
Но всей землѣ; что умъ отъ честолюбья
Недалеко; и что порой опасенъ

Окольный путь бываетъ для души!

ГОДУНОВЪ.

Какъ радъ-бы я, отецъ мой, безъ уклона
Всегда впередъ идти прямымъ путемъ!
Но можно-ль мнѣ? Ты знаешь государя,
Ты знаешь самъ противниковъ моихъ,
И какъ они высматриваютъ случай
Чтобъ устранить, иль извести меня.
Что дѣлать мнѣ? Я долженъ неусыпно
За кознями враговъ моихъ слѣдить,
И хитрости противопоставить хитрость,
Иль отказаться долженъ навсегда
Служить землѣ.

ЗАХАРЪИНЪ.

Избави Богъ тебя!

Ты Богу дашь о ней отвѣтъ! Борисъ —
Судьба Руси въ твоихъ рукахъ!

ГОДУНОВЪ.

О, еслибъ

Она была въ моихъ рукахъ! Я зналъ бы,
Что дѣлать мнѣ! Пусть только-бъ царь Иванъ
Хоть мѣсяць далъ мнѣ править государствомъ!
Ему-бъ въ одинъ я мѣсяць доказалъ,
Какія силы русская земля
Въ себѣ таитъ! Я-бъ доказалъ ему,
Что можетъ власть, когда на благодати,
А не на казняхъ зиждется, она!
Но тяжело, отецъ мой, все то видѣть —
И лишь молчать безсильно!

(Стольникъ отпираетъ дверь.)

СТОЛЬНИКЪ.

Царь идетъ!

ІОАННЪ (Входитъ съ грамотами въ рукахъ).
Намъ пишетъ Шуйскій: въ королевскомъ станѣ
Отъ голода открылись моръ и бунтъ;
Король же ихъ опомнился, должно быть,
И изъ Варшавы шлетъ ко мнѣ посла.

ЗАХАРЪИНЪ.

Дай Богъ здоровья воеводѣ князь
Иванъ Петровичу!

ІОАННЪ.

Сидѣльцы-жъ наши
Вновь цѣловали крестъ чинить по Богѣ:
Всѣмъ лечь, а не сдаваться. Но я чаю,
Сосѣдъ Степанъ ужъ потерялъ охоту
Брать города, и если съ новымъ войскомъ
Пожалуетъ онъ къ намъ, въ голодный край,
Мы шапками ихъ закидаемъ.

(Къ Захарьину).

Ты

Ступай на площадь, объяви народу,
Что мира просить у меня король!

ЗАХАРЪИНЪ.

Царь-государь, а если не о мирѣ
Онъ шлетъ посла?

ІОАННЪ.

Сдается мнѣ, что насъ
Учить твоя изволить милость! Видно,
Ошибкой намъ, а не тебѣ бояре
Вѣнецъ нашъ поднесли! Ступай, старикъ,

И объяви на площади народу,
Что мира просить у меня король!

(Захарьинъ уходитъ).

ЮАННЪ (Къ Годунову).

Я съ англійскимъ посломъ покончилъ дѣло;
Но больно онъ тягучъ и жиловать:
Торговья, вишь, льготы англичанамъ
Все подавай! О льготахъ говоритъ
Мнѣ съ нимъ не время. Пригласи его
Къ себѣ, къ обѣду, потолкуй съ нимъ дѣльно
И чтò онъ скажетъ, тò мнѣ донеси.

ГОДУНОВЪ.

Великій царь! Ты мнѣ сказалъ вчера,
Что дерзкую охотно слышишь рѣчь,
Текущую отъ искренняго сердца.
Дозволь мнѣ нынѣ снова предъ тобой
Ее держать! Боюсь я, англичанинъ
Подумаетъ, что слишкомъ дорожишь ты
Союзомъ съ королевой, и тогда
Еще упрямѣй сдѣлается онъ.
Не лучше-ль было-бъ дать ему отъѣхать,
Не кончивъ дѣла? Если-жъ королева,
Сверхъ чаянья, на льготахъ настоятъ —
Ты къ ней всегда посла отправить можешь
Съ согласіемъ твоимъ.

ЮАННЪ.

Иною рѣчью,

Не по сердцу боярину Борису,
Чтобъ царь Иванъ съ великой королевой
Вступилъ въ родство? Такъ? Что-ли? Говори!
Тебя насквозь я вижу!

ГОДУНОВЪ.

Государь!

Напрасно я съ тобой хотѣлъ лукавить;
Не отъ тебя съумѣеть кто сокрыть
Что мыслить онъ. Такъ, государь! Виновень
Я предъ тобою. Вели меня казнить —
Но выслушай: не мнѣ, великій царь,
А всей Руси не по-сердцу прійдется
Твой новый бракъ. Вся Русь царицу любитъ
За благочестіе ея, а паче
За то, что мать Димитрія она,
Наслѣдника втораго твоего,
Который быть царемъ однажды долженъ.
Какъ за тебя, такъ за твою царицу
Народъ всеневно молится въ церквахъ.
Что скажетъ онъ? Что скажетъ духовенство,
Когда ты мать Димитрія отринешь
И новый бракъ примешь съ иновѣркой —
Осьмой твой бракъ, великій государь!
Не скажутъ-ли, что всѣ невзгоды наши
(И, можетъ быть, ихъ много впереди)
Накликалъ *ты* на землю? Государь,
Казни меня — но я у ногъ твоихъ
(Становится на колѣни).

Тебя молю: тобою лишь однимъ
Русь держится — не захоти теперь
Поколебать ея къ тебѣ довѣрье!
Не отвращай напрасно отъ себя
Любви народа!

ІОАННЪ.

Кончилъ? Ободренье

Мое пошло тебѣ, я вижу, въ прокъ,
И дерзокъ ты во истину не мало!
Мою ты видя милость надъ собой,

Конечно мнишь, что я для руководства
Тебя держу? Что ты ко мнѣ приставлень
Отъ земства, что-ль? Хулить, иль одобрять
Мои дѣла? и можешь гнуть меня
Какъ вѣтеръ трость? Достойно смѣху, право,
Какъ всѣмъ бы вамъ со мной играть хотѣлось
Въ попы Сильвестры! На твоихъ губахъ
И молоко въ ту пору не обсохло,
Какъ я попу Сильвестру съ Алексѣемъ
Ужъ показалъ, что я не отрокъ имъ!
По моему съ тѣхъ поръ уразумѣнью,
Какъ прибыльнѣй для царства моего,
Такъ я чиню, и не печалюсь тѣмъ,
Что скажетъ тотъ, иль этотъ обо мнѣ!
Не на день я, не на годъ устрою
Престоль Руси, но въ долготу вѣковъ;
И что вдали провижу я, того
Не видѣтъ вамъ куринымъ вашимъ окомъ!
Тебя же, знай, держу лишь для того,
Что ты мою вершишь исправно волю;
А въ томъ и вся твоя заслуга. Встань —
На этотъ разъ тебя прощаю — впредь же
Въ совѣтчики не суйся мнѣ! Посла
Ты пригласишь и принесешь мнѣ завтра
Его послѣдній уговоръ!

(Уходитъ въ другую дверь).

ГОДУНОВЪ (одинъ).

Онъ правъ!

Я только рабъ его! Предвидѣтъ это
Я долженъ былъ! Иль я его не зналъ?
Я поступилъ какъ женщина, какъ мальчикъ!
Я какъ безумный поступилъ!

Вотъ онъ,

Тотъ путь прямой, которымъ мнѣ Захарьинъ

Идти велить! На первомъ онъ шагу
Мнѣ властію царевой, какъ стѣною,
Пересѣченъ! Для блага всей земли
Царицу защищая, я съ ней вмѣстѣ
Спасалъ Нагихъ, моихъ враговъ исконныхъ,
Которые теперъ же, въ этотъ часъ,
Ведутъ совѣтъ, какъ погубить меня —
Я былъ готовъ ихъ пощадить сегодня,
Лишь только бѣ царь не потрясалъ Руси!
И вотъ исходъ! Легко тебѣ, Никита
Романовичъ, идти прямымъ путемъ!
Передъ собой ты не поставилъ цѣли!
Спокойно ты и съ грустью тихой смотришь
На этотъ міръ! Какъ солнце въ зимній день,
Землѣ сіяя, но не грѣя землю,
Идешь ты чистъ къ закату своему!
Моя-жъ душа борьбы и дѣла просить!
Я не могу мириться такъ легко!
Раздоры, козни, самовластье видѣтъ —
И въ доблести моей, какъ въ свѣтлой ризѣ,
Утѣшенъ быть, что самъ я чистъ и бѣлъ!

(Уходитъ).

Домъ Шуйскаго. Шуйскій, Мстиславскій, Михайло Нагой и
Григорій Нагой сидятъ у стола за кубками.

ШУЙСКІЙ (наливая имъ вино).

Прошу васъ, пейте, гости дорогіе!

Во здравіе Бориса Годунова!

Вѣдь онъ то въ думѣ дѣло порѣшилъ!

(Гости пьютъ неохотно. Мстиславскій не пьетъ вовсе).

Что жъ, князь Иванъ Θεодорычъ? Иль, можетъ,

Не нравится тебѣ мое вино?

Не выпить-ли другаго намъ, покрѣпче?

МСТИСЛАВСКІЙ.

Нѣтъ, князь, спасибо. Не вино, а здравье,
Признаться, мнѣ не нравится.

ШУЙСКІЙ.

Что такъ?

Про Годунова, князь, ты пить не хочешь?
Да вотъ и вы поморщились, бояре;
Иль онъ вамъ нелюбъ?

МСТИСЛАВСКІЙ.

Высочка! Татаринъ!

Вишь ближнимъ сталъ бояриномъ теперь!

БѢЛЬСКІЙ.

А мы, должно быть, дальніе бояре!

М. НАГОЙ.

Всѣмъ сядетъ скоро на голову намъ!

Г. НАГОЙ.

Нѣтъ, онъ не сядетъ — онъ уже сидитъ!

ШУЙСКІЙ.

Помилуйте, бояре, Годуновъ-то?
Его насильно ставятъ выше насъ,
А онъ и самъ не радъ! Онъ намъ всегда
И честь, какъ должно, воздаетъ, и въ думѣ
Готовъ молчать, иль соглашаться съ нами!

М. НАГОЙ.

Да, къ этому вьюну не придерешься!
Поддакиваетъ, кланяется, бѣсь,
А все-таки поставитъ на своемъ!

ШУЙСКІЙ.

Ну, этотъ разъ ему за то спасибо!

БѢЛЬСКІЙ.

Да этотъ разъ не первый, не послѣдній.
Покойный Сицкій правду говорилъ:
Онъ всѣхъ насъ сломить!

М. НАГОЙ.

Да — коль мы его

Не сломимъ прежде!

Г. НАГОЙ.

Какъ его сломить?

БѢЛЬСКІЙ.

Кой-что шепнуть мы про него могли бы!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Да намъ-то не повѣрятъ. Онъ же насъ,
Какъ Сицкаго, однимъ словечкомъ срѣжетъ!

М. НАГОЙ.

Нѣтъ — такъ нельзя; а можно бы иначе —
Да вишь князь Шуйскій за него стоитъ!

ШУЙСКІЙ.

Я? За него? Да что жъ онъ мнѣ, бояре?
Онъ мнѣ ни кумъ, ни шурина, ни своякъ!
Я лишь сказалъ, что онъ хлопотъ не стоить!

БѢЛЬСКІЙ.

Ну, слѣпъ же ты!

ШУЙСКІЙ.

Нѣтъ, я не слѣпъ, бояре!

Когда-бъ дошло до дѣла, вы бы сами
Раздумали!

БѢЛЬСКІЙ.

Нѣтъ, этого не бойся!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Ужъ другъ за друга мы бы постояли!

Г. НАГОЙ.

Готовы крестъ на этомъ цѣловать!

ШУЙСКІЙ.

Эхъ, вамъ охота даромъ въ петлю лѣзть.

БѢЛЬСКІЙ.

Ну, князь, прости мое худое слово:
Ты слѣпъ какъ кротъ, и перваго тебя
Татаринъ этотъ выживетъ какъ разъ!

ШУЙСКІЙ.

Ты думаешь?

БѢЛЬСКІЙ.

Да ужъ навѣрно такъ!

ШУЙСКІЙ.

Ну, коли такъ — тогда другое дѣло!

БѢЛЬСКІЙ.

Такъ ты согласенъ?

ШУЙСКІЙ.

Что-жь мнѣ одному

Быть противъ всѣхъ! Пожалуй, я согласенъ —
Да какъ же дѣло-то начать?

М. НАГОЙ.

А вотъ какъ:

Теперь у насъ вездѣ, по всей Руси,
Повѣтріе и хлѣбный недородъ.
Ужь были смуты: за Москвой-рѣкой
Два бунта вспыхнуло. Въ такую пору
Народъ озлобленъ; радъ, не разбирая,
Накинуться на перваго любаго.
Отъ насъ зависить время улучшить
И натравить ихъ впору на Бориса!

Г. НАГОЙ.

Оно-бъ недурно! Пусть бы насъ народъ
Избавилъ отъ него — мы въ сторонѣ!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Да, въ сторонѣ! А какъ поднять народъ?
Вѣдь не самимъ же намъ идти на площадь!

М. НАГОЙ.

Вѣстимо, нуженъ вѣрный человѣкъ!

БѢЛЬСКІЙ.

Или такой, котораго бы мы
Въ рукахъ держали непрестаннымъ страхомъ!

МСТИСЛАВСКІЙ.

А гдѣ его достать?

ШУЙСКІЙ (отворяя дверь въ другой покой).

Войди, Данилычъ!
(Входитъ Битяговскій).

Вотъ онъ, бояре, кто теперь намъ нуженъ!
Я съ нимъ ужъ говорилъ — онъ радъ служить.
(Общее удивленіе).

БѢЛЬСКІЙ.

Такъ ты... Ну, князь, признаться, удивиль!

Г. НАГОЙ.

Перехитрилъ насъ! Нечего сказать!

МСТИСЛАВСКІЙ.

А пиль еще здоровье Годунова!
(Шуйскій смѣется).

М. НАГОЙ (указывая на Битяговскаго).

Такъ онъ берется сладить это дѣло?
Но кто же онъ? Его намъ надо знать!

ШУЙСКІЙ.

Онъ изъ дворянъ: Михайло Битяговскій.
Прошу любить и жаловать его;
Онъ насъ не выдастъ!

БѢЛЬСКІЙ.

Князь, конечно ты
Намъ доказаль, что ты хитрить умѣешь;
Мы положиться можемъ на тебя;
Но все-жъ дозвожь, въ такомъ опасномъ дѣлѣ,
Тебѣ не въ гнѣвъ, ему не въ осужденье,
Спросить тебя: чѣмъ отвѣчаешь ты?

ШУЙСКІЙ.

Бояре, дѣло просто: въ зернь да въ карты
Имѣнье онъ до нитки проигралъ;
Въ долгахъ сидитъ по шею; правежемъ
Ему грозятъ; исхода два ему:
Послужить намъ — долги его заплатимъ;
Обманетъ насъ — поставимъ на правежъ.
Данилычъ! Такъ-ли? Ясенъ уговоръ?

БИТЯГОВСКІЙ.

Да, ясенъ.

ШУЙСКІЙ.

Если-жъ ты уладишь дѣло,
Мы наградимъ тебя.

БИТЯГОВСКІЙ

Само собой.

ШУЙСКІЙ.

Я говорилъ тебѣ не въ укоризну,
А чтобъ бояре лучше вѣру взяли.
Теперь садись.

БИТЯГОВСКІЙ.

Могу и постоять.

ШУЙСКІЙ.

На, выпей чару!

БИТЯГОВСКІЙ.

Чару выпить можно.
(Пьетъ, кланяется и чару ставитъ на столъ).

БЪЛЬСКІЙ.

Такъ вправду ты сѹмѣешь на Бориса
Поджечь и взбунтовать народъ?

БИТЯГОВСКІЙ.

Сѹмѣю.

М. НАГОЙ.

Съ кого-жъ начать ты хочешь?

БИТЯГОВСКІЙ.

Съ черныхъ сотень.

Г. НАГОЙ.

Про что-жъ ты будешь говорить?

БИТЯГОВСКІЙ.

Про голодъ.

БЪЛЬСКІЙ.

Что скажешь ты?

БИТЯГОВСКІЙ.

Что въ голову придетъ.

МСТИСЛАВСКІЙ.

А за успѣхъ стоишь ты намъ?

БИТЯГОВСКІЙ.

Стою.

М. НАГОЙ.

Народъ не въ шутку долженъ возмутиться.
Сначала подготовь его искусно:
Борисъ, молъ, вотъ кто цѣны вамъ набиль!

Онъ-моль царемъ какъ хочеть, такъ и водить;
Все зло-моль отъ него! Онъ зять Малюты!
Онъ и царя на казни подбиваль!
Потомъ, въ удобный день, на праздникъ, что-ли,
Когда пойдетъ онъ въ церковь, иль изъ церкви,
Ты ихъ и подожги! Да не мѣшало-бъ
Тебѣ товарища найдти.

БИТЯГОВСКІЙ.

Ненужно.

БѢЛЬСКІЙ.

Тутъ надобны не крики и не шумъ;
А чтобъ они, увидя Годунова,
Такъ на него-бъ и кинулись, и разомъ
На ключья-бъ разорвали!

БИТЯГОВСКІЙ.

Разорвутъ.

ШУЙСКІЙ.

Ужъ положитесь на него, бояре!
Онъ неохочъ до словъ, но онъ на дѣлѣ
Собаку съѣлъ; ему вѣдь не впервой.
А вы межъ тѣмъ извѣдайте бояръ:
Чѣмъ больше будетъ съ нами, тѣмъ мы легче
И подведемъ его!

БѢЛЬСКІЙ.

На всякъ случай

Я кой-кого еще пушу въ народъ.
Есть на примѣтѣ у меня одинъ:
Рязанскій дворянинъ, Прокофій Кикинъ.

ШУЙСКІЙ.

Коль за него ты можешь отвѣчать,
Пошли его, пожалуй, отъ себя;
Пусть съ двухъ концовъ они волнують городъ;
Не одному удастся, такъ другому.

МСТИСЛАВСКІЙ.

Твоими бы устами, князь Василій
Иванычъ, медъ пить!

М. НАГОЙ.

Ну, теперь недурно
Идутъ дѣла! Благослови Господь!
(Входитъ слуга).

СЛУГА.

Бояринъ Годуновъ!

ШУЙСКІЙ (про себя).

Ахъ, бѣсъ проклятый!
(Входитъ Годуновъ. Гости встаютъ въ замѣшательствѣ).

ШУЙСКІЙ (идетъ на встрѣчу Годунову съ
распростертыми объятіями).

Борисъ Ѳедоорычъ! Вотъ гость любезный!
Челомъ тебѣ на ласкѣ бью твоей!
(Обнимаются).

Садись, бояринъ! Здѣсь, подъ образами!
Уважь домишко мой! Да чѣмъ же мнѣ
Поподчивать тебя? Вотъ романея!
Вотъ ренское! Вотъ аликантъ! Вотъ бастръ!

ГОДУНОВЪ (кланяется).

Благодарю, бояринъ князь Василій
Ивановичъ! Не помѣшалъ-ли я?

Быть можетъ, ты съ гостями дорогими
Быль дѣломъ занятъ?

ШУЙСКІЙ.

Дѣломъ? Нѣтъ, бояринь!

Мы такъ себѣ балякали. Садись,
Прошу покорно! Да уважь, бояринь,
Хоть чарочкой!

ГОДУНОВЪ (пѣеть).

Во здравіе твое!

МСТИСЛАВСКІЙ (подходить къ Шуйскому).
Хозяинъ ласковый, пора домой мнѣ;
Прости!

БѢЛЬСКІЙ.

И мнѣ пора домой, прости!

ОБА НАГІЕ.

Пора и намъ! Прости же, князь Василій
Ивановичъ!

ШУЙСКІЙ.

Что-жь, гости дорогие?

Зачѣмъ такъ рано?

М. НАГОЙ.

Дома дѣло есть.

ШУЙСКІЙ.

Простите же, бояре! Много васъ
За честь благодарю!

(Провожаетъ гостей и возвращается къ Годуну).
Ну, слава Богу!

Ушли! Спасибо же тебѣ, бояринъ,
Что навѣстилъ! Ты не повѣришь,
Какъ на тебя отрадно мнѣ глядѣть!
Вѣдь мы съ тобой издавна за одно!
Что ты — то я!

ГОДУНОВЪ.

Спасибо, князь Василій
Ивановичъ! А я вотъ за совѣтомъ
Къ тебѣ пришелъ.

ШУЙСКІЙ.

Приказывай, бояринъ!

ГОДУНОВЪ.

Ты знаешь, князь, меня не любятъ въ думѣ —
Я новый человѣкъ.

ШУЙСКІЙ.

Такъ что же въ томъ?

Я за тебя горой стою; а правда,
Есть недруги у насъ! Вотъ хоть-бы этотъ
Мстиславскій, или Бѣльскій — кто ихъ знаетъ!
Завидно имъ, что любить царь тебя!

ГОДУНОВЪ.

Царь жалуетъ меня не по заслугамъ;
Я скользкою тропою, князь, иду.
Пожалуй, на меня царю нашепчутъ;
А до бѣды у насъ недолго, князь!

ШУЙСКІЙ.

А я на что-жь? Я за тебя готовъ
Въ огонь и въ воду! Ты мнѣ тотъ же братъ!

(Входитъ слуга).

СЛУГА (къ Шуйскому).
Князь, царь прислалъ за милостью твоей!

ШУЙСКІЙ (встаетъ).
За мной? теперь? Ну, не взыщи, бояринъ —
Царь ждать не можетъ!

ГОДУНОВЪ.
Не чинися, князь.
(Шуйскій поспѣшно уходитъ.
Годуновъ остается съ
Битяговскимъ и пристально
смотреть на него, Битяговскій
смущается и отворачивается).

ГОДУНОВЪ.
Ты дворянинъ Михайло Битяговскій?

БИТЯГОВСКІЙ.
Да, дворянинъ.
(Хочетъ уйти).

ГОДУНОВЪ.
Ни съ мѣста! Стой и слушай.
Ты разорился въ карты. На правезъ
Тебя хотять поставить — дѣло плохо —
Но можетъ выйдти хуже для тебя.
Ты грамату писалъ въ литовскій станъ
И предлагалъ Замойскому услуги.

БИТЯГОВСКІЙ.
Нѣтъ, это ложь! Меня оклеветали!

ГОДУНОВЪ.
Я грамату твою перехватилъ —
И вотъ она отъ слова и до слова!

(Вынимаетъ изъ кармана грамату.
Битяговскій нагибается и суетъ руку за
голенище).

Ты лѣзешь за ножомъ? Не безпокойся!
Твоя бумага за семью замками,
А это только списокъ. Слушай, другъ:
Съ тобой вчера князь Шуйскій сторговался
Чтобъ на меня поднять народъ. Сегодня
Съ двумя Нагими, съ Бѣльскимъ и Мстиславскимъ
Объ этомъ вмѣстѣ толковали вы.
Мнѣ стоитъ захотѣть — и черезъ часъ
Твое клевать вороны будутъ мясо!

БИТЯГОВСКІЙ.

Бояринъ... я... я не хотѣлъ...

ГОДУНОВЪ.

Молчи!

Теперь ты долженъ притвориться, будто
Ты служишь Шуйскому. Ступай шататься
По площадямъ, по рынкамъ, по базарамъ,
Но распускай молву, что Шуйскій съ Бѣльскимъ
Хотятъ царя отравой извести;
Что погубить и Ѳедора рѣшили
И Дмитрія царевичей; что еслибъ
Не Годуновъ — они бы царскій корень
Ужъ извели; что Годуновъ одинъ
Блюдетъ царя и охраняетъ царство.
Ты понялъ?

БИТЯГОВСКІЙ.

Понялъ.

ГОДУНОВЪ.

Приходи сегодня

Ко мнѣ, въ мой домъ, по заднему крыльцу,
Когда стемнѣетъ. Тамъ тебя дворецкій
Проводитъ дальше. Каждый вечеръ ты
Ко мнѣ являться будешь. Все, что Шуйскій
Иль Бѣльскій, иль другой, тебѣ прикажутъ,
Ты будешь мнѣ передавать. И помни:
Гдѣ-бъ ни былъ ты, я за тобой слѣжу —
Не захоти и думать о побѣгѣ.
Различье-жъ, знай, межъ мной и Шуйскимъ то,
Что правеемъ тебя страшаетъ Шуйскій,
А я тебѣ грожу такую казнью,
Какой бы не придумалъ и Малюта
Скуратовъ-Бѣльскій, мой покойный тесть!
(Уходить. Битяговскій остается въ оцѣпенѣніи).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Покои царицы Маріи Ѳедоровны. Царица и мамка
царевича Димитрія.

ЦАРИЦА.

Что жъ, мамка? Уложила ты его?
Заснулъ ли онъ, голубчикъ мой, царевичъ?

МАМКА.

Заснулъ, царица-матушка, заснулъ!
Ужъ любовалась, на него я глядя;
Лежить смиренхонько, закрывши глазки,
И этакъ ручки сжамши въ кулачки.
Вишь, бѣгая, мой свѣтикъ уморился;
Такой живой! Не въ старшаго онъ братца,
Не въ Ѳедора Иваныча пойдетъ!
Тотъ тихъ и смиренъ, словно не царевичъ,
Не то, что братецъ былъ Иванъ Иванычъ!
Тотъ, царствіе небесное ему,
На батюшку похожъ былъ. Охъ, охъ, охъ!
Подумаешь, какъ кончился то онъ!
Ахъ, грѣхъ какой! Не вѣрится доселѣ!

ЦАРИЦА.

Не будемъ говорить про это, мамка.
Не присылалъ ли государь сказать,
Что онъ прійдетъ? Не присылалъ ли онъ
Кого спросить, здоровъ-ли мой царевичъ?

МАМКА.

Нѣтъ, матушка, не присылалъ.

ЦАРИЦА.

Бывало,

Онъ каждый день навѣдывался самъ!

МАМКА.

Нѣтъ, матушка, не присылалъ. А вотъ,
Когда мы давеча гулять ходили,
Къ намъ подходилъ бояринъ Годуновъ,
Бралъ на руки царевича, ласкалъ
И любовался имъ.

ЦАРИЦА.

И ты дала

Ему ласкать царевича? Никто
Его ласкать не долженъ. Слышишь, мамка?

МАМКА.

Такъ, матушка. Бояринъ Годуновъ
Мнѣ то же говорилъ: смотри, молъ, мамка,
Блюди царевича! Ты, говорить,
За каждый волосочекъ-молъ его
Предъ Богомъ и землю отвѣчаешь!

ЦАРИЦА.

Послушай, мамка; этакъ не годится
Болтать со всякимъ. Никому впередъ
Ты не давай съ ребенкомъ говорить!

МАМКА.

Такъ какъ же, матушка? А вотъ Никита
Романовичъ къ намъ подходилъ
И съ этимъ, значить, говорить нельзя?

ЦАРИЦА.

Нѣтъ, съ этимъ можно! Этому я вѣрю,
Онъ все равно мнѣ, что родной отецъ!

(Входитъ сѣнная дѣвушка).

ДѢВУШКА.

Царица! Можетъ ли къ тебѣ Никита
Романовичъ взойти, Захарьинъ-Юрьевъ?

ЦАРИЦА.

Онъ здѣсь? Проси, проси его скорѣй!
(Входитъ Захарьинъ).

ЗАХАРЬИНЪ.

Царица Марья Ѳедоровна, здравствуй!
Какъ можешь?

ЦАРИЦА (идеть къ нему на встрѣчу).

Здравствуй, дядюшка Никита
Романовичъ! Тебя самъ Богъ прислалъ!
Мнѣ говорить съ тобою надо! Мамка,
Ступай себѣ къ царевичу, оставь насъ.
(Мамка уходитъ).

Мнѣ надо говорить съ тобой, Никита
Романовичъ! Садись, сюда, поближе:
Не знаю, что со мною, право, случилось;
Всѣ эти дни такъ тяжело на сердцѣ,
Какъ будто чуется бѣда! Скажи,
Ты ничего не слышалъ? Что случилось?
Что царь задумалъ?

ЗАХАРЬИНЪ.

Матушка-царица,
Вѣдь я пришелъ тебя предостеречь!
И самъ уже не знаю, что съ нимъ дѣлать?
Бѣда и только! словно дикій конь,
Внезапно закусившій удила,
Иль ярый туръ, все ломящій съ разбѣга,
Такъ онъ не знаетъ удержи теперь.
Подобная рѣкъ, его гордыня

Изъ береговъ ужъ выступила вонъ
И топить все кругомъ себя!

ЦАРИЦА.

Скажи,

Что онъ задумалъ?

ЗАХАРЬИНЪ.

Богъ ему судья!

ЦАРИЦА.

О чемъ то страшномъ шепчуть во дворцѣ —
Онъ съ англійскимъ посломъ наединѣ —
О чемъ-то долго толковалъ — я знаю —
Я догадалась — онъ жениться хочетъ
На чужеземкѣ, а меня онъ бросить
Сбирается съ Димитріемъ моимъ!

ЗАХАРЬИНЪ.

Будь, дитяtko, готова ко всему!

ЦАРИЦА.

Не даромъ сердце у меня щемило!

ЗАХАРЬИНЪ

Царица, онъ хотѣлъ сегодня утромъ
Быть самъ къ тебѣ. Не покажи и вида,
Что я съ тобой объ этомъ говорилъ.
Я буду здѣсь. Ты-жъ выслушай его
Съ покорностью, и что-бъ онъ ни сказалъ,
Не возражай ни слова — будь нѣма!
Единый звукъ, единый вздохъ, движенье
Единое твое — и ты пропала!
Дай бурѣ прошумѣть. Еще, быть можетъ,

Смягчится онъ покорностью твоею;
А если нѣтъ — я на свою главу
Прійму ударъ, скажу ему открыто,
Что онъ безсовѣстно чинить!

ЦАРИЦА.

Бояринъ,

Спаси меня! Не за себя мнѣ страшно!
Я хлопочу не о себѣ, ты знаешь!
Когда меня Иванъ Васильичъ взялъ,
Не радовалась я высокой чести;
И еслибы со мной, тому три года,
Онъ развелся, я Бога бы за то
Благодарила — но теперь, бояринъ,
Я не одна! Теперь я стала мать!
И если онъ жену возьметъ другую —
Ребенокъ мой — мнѣ страшно и подумать —
Мой маленькій Димитрій — о, бояринъ!
Сама не знаю, чтò я говорю,
Чего боюсь, не вѣдаю — но смутно
Мнѣ чуется для Дмитрія опасность!
Усовѣсти, уговори царя!
Тебя онъ чтить! Пусть онъ съ тобою прежде
Обсудить дѣло!

ЗАХАРЪИНЪ.

Дитятко-царица!

Кого онъ чтить! Я, правда, передъ нимъ
Еще ни разу не кривилъ душою,
Но самъ не знаю, какъ я уцѣлѣлъ!
Лишь одного на свѣтѣ человѣка
Порою слушается онъ: дай Богъ
Здоровья Годунову! Онъ одинъ
Еще его удерживать умѣетъ!

ЦАРИЦА.

О, дядюшка! Не вѣрь ты Годунову!
Нѣтъ, онъ не тотъ! Его смиренный видъ,
Его всегда степенные приемы,
И этотъ взглядъ, ничѣмъ невозмутимый,
И этотъ голосъ, одинако ровный,
Меня страшатъ не даромъ! Не могу я
Смотрѣть, когда ребенка моего
Ласкаеть онъ!

ЗАХАРЪИНЪ.

Что ты, царица, что ты?
Помилуй, Годуновъ-то?
(Вбѣгаетъ дѣвушка запыхавшись).

ДѢВУШКА.

Царь идетъ!
Сейчасъ здѣсь будетъ!

ЦАРИЦА (съ испугомъ).

Дядюшка! Мнѣ страшно!
Я не могу...

ЗАХАРЪИНЪ.

Оправься поскорѣй,
Чтобъ не замѣтилъ онъ чего! Отри
Скорѣй глаза!

ЦАРИЦА.

Охъ, сердце замираеть!

ЗАХАРЪИНЪ.

Уйди жъ на мигъ! Принарядись, а я
Прійму его!
(Царица уходитъ. Иоаннъ входитъ въ сопровожденіи Годунова).

ІОАННЪ (Къ Захарьину).
Что дѣлаешь ты здѣсь?

ЗАХАРЬИНЪ.
Царицы дожидаюсь, государь.

ІОАННЪ.
Какое дѣло у тебя съ царицей?

ЗАХАРЬИНЪ.
Навѣдаться зашелъ къ ней.

ІОАННЪ.
Гдѣ жъ она?

ЗАХАРЬИНЪ.
Услыша голосъ твой, она пошла
Для милости твоей принарядиться.

ІОАННЪ.
Могла и такъ остаться. Отъ нарядовъ
Пригожѣе не будетъ!

(Къ Годунову садясь).
Продолжай!
Ты говоришь, что видѣлся съ послами?

ГОДУНОВЪ.
Съ обоими, великій государь.

ІОАННЪ.
Ну что жъ?

ГОДУНОВЪ.
Посоль Елизаветинъ, Баусъ,
Стоитъ на томъ, что выдать за тебя

Племянницу, Хастинскую княжну,
Согласна королева; но о томъ-де
Онъ подписать невластенъ уговора,
Пока съ царицей всенародно ты
Не разведешься; да еще прибавиль,
Чтобъ на Руси ты запретилъ торговлю
Всѣмъ иноземцамъ всякихъ государствъ,
Опричъ однихъ лишь англійскихъ гостей.
На этомъ, говоритъ онъ, королева
Намъ обѣщаетъ дружбу и союзъ
И цесаря нѣмецкаго упросить,
Чтобы на Польшу двинулъ онъ полки.

ІОАННЪ.

Благодарю сестру Елисавету,
Что нашей дружбой и худымъ родствомъ
Не брезгаетъ она! Но обойтись
Безъ милостей ея теперь мы можемъ,
И цесаря не просимъ намъ помочь.
Уже мы сами скоро за рубежъ
Переведемъ полки. А что узналъ ты
Отъ польскаго посла? Какія земли
Сосѣдъ Степанъ за миръ намъ обѣщаетъ?

ГОДУНОВЪ.

Мы за виномъ, великій государь,
Сидѣли съ нимъ до самаго разсвѣта.
Гарабурда, хоть не природный ляхъ,
А пить здоровъ и говорить охотникъ;
Но вывѣдать я у него не могъ
Съ чѣмъ онъ нрѣхалъ. Одному тебѣ
Открыться хочетъ онъ.

ІОАННЪ.

Заранѣ, видно,

Хвалиться нѣчѣмъ!

ГОДУНОВЪ.

Утрѣмъ прискакалъ

Къ нему гонецъ отъ короля. Напрасно
Въ глазахъ посла старался угадать я
Письма значенье. На лицѣ его
Не двинулася ни одна черта;
Усталый же гонецъ, какъ выпилъ чару,
Такъ и упалъ на землю и заснулъ.

ІОАННЪ.

Я чай, не спалъ во всю дорогу! Видно,
Крутенько имъ пришлось и невтерпежъ!

ГОДУНОВЪ.

Когда бы только...

ІОАННЪ.

Чтò?

ГОДУНОВЪ.

Какъ бы онъ

Для насъ недоброй вѣсти не привезъ!

ІОАННЪ.

Недобрыхъ я вѣстей не получалъ;
Чего жъ не знаю я — того и нѣтъ!

ГОДУНОВЪ.

Будь осторожень, государь!

ІОАННЪ.

Бориско!

Ужъ не опять ли ты совѣты мнѣ

Давать изволишь? Струсиль, говорю я,
Сосѣдъ Степанъ и новыя уступки
Прислалъ въ наказъ Гарѣбурдѣ! Гей! Марья!
(Стучить ѓ полъ посохомъ).

Ты долго-ль тамъ укручиваться будешь?
(Входитъ царица, въ большомъ нарядѣ, и,
поклонившись Иоанну, останавливается передъ
нимъ, молча).

ИОАННЪ (смотритъ на нее пристально).
Зачѣмъ твои заплаканы глаза?
(Царица молчитъ, потупя взоръ).
Ты слышишь ли? Что сталося съ тобою?

ЦАРИЦА.
Мой господинъ, прости меня... я...

ИОАННЪ.
Ну?

ЦАРИЦА.
Я видѣла недобрый сонъ.

ИОАННЪ.
Какой?

ЦАРИЦА.
Мнѣ снилось, государь... мнѣ снилось, что...
Я разлучаюся съ тобой!

ИОАННЪ.
Сонъ въ руку.
Ты негодна мнѣ. Я объявить
Тебѣ пришелъ, что ты отнынѣ болѣ
Мнѣ не жена.

ЦАРИЦА.

Такъ это правда? Правда?

Меня съ Димитріемъ ты бросить хочешь?

Съ Димитріемъ моимъ? Ты хочешь...

ІОАННЪ.

Тише!

Я бабьихъ слезъ и криковъ не люблю!

ЦАРИЦА.

Нѣтъ, господинъ мой — я не плачу — нѣтъ —

Ты видишь, я не плачу — но скажи,

Какъ развестись со мною хочешь ты?

Что скажешь ты святителямъ? Какую

На мнѣ вину найдешь ты?

ІОАННЪ.

Это что?

Ты кажется меня къ допросу ставишь?

Кто ты? Какого ты владыки дочь?

Кому отвѣтъ держать мнѣ о тебѣ?

Иль ты другихъ пригожѣе и краше,

Чтобъ мнѣ тебя какъ кладъ какой беречь?

Иль я ужъ въ домѣ у себя не властенъ?

Иль ты царица по себѣ?

ЦАРИЦА.

Прости,

Мой господинъ! Прости! Я не ропщу —

Я не молю о милости — на все

Готова я — но бѣдный мой Димитрій

Чѣмъ виновать?

ІОАННЪ.

О немъ не хлопочи.

Мой сынъ въ удѣлъ получить городъ Угличъ.
Вины твоей не нужно мнѣ. Тебя
Постричь велю я — вотъ и весь разводъ.
Святителей же, слава-Богу, я
Не приучилъ въ мой обиходъ вступаться
И требовать отчета отъ меня!

ЗАХАРЬИНЪ.

Царь-государь! Дозволь мнѣ слово молвить!

ІОАННЪ.

Старикъ, я вижу, что сказать ты хочешь!
Что бь я ни сдѣлалъ, все не по тебѣ!
Я знаю васъ!

ЗАХАРЬИНЪ.

Великій государь...

ІОАННЪ.

Я знаю васъ! Вы рады бы мнѣ руки
Опять связать, какъ при попѣ Сильвестрѣ
Да при Адашевѣ! Ты былъ имъ другъ!
Когда на нихъ опалу положилъ я,
Какихъ ужъ бѣдъ ты не пророчилъ мнѣ!
Тебя послушать — царство распадалось!
И что жъ? Съ тѣхъ поръ минуло двадцать лѣтъ —
Гдѣ твой Адашевъ? Гдѣ Сильвестеръ твой?
А мы, межъ тѣмъ, благословеньемъ божьимъ,
Не уменьшили нашихъ государствъ!
Безъ вашихъ наставленій, помаленьку,
Таки живемъ-себѣ умишкомъ нашимъ,
И руководства твоего, старикъ,
Не просимъ мы!

ЗАХАРЪИНЪ.

Великій государь!

Что мы мечомъ завоевали, то
Мечомъ же можно и отнять у насъ.
Все въ божьей волѣ, государь; но Богъ
Лишь добрыя дѣла благословляетъ,
Ты жъ, государь, недоброе затѣялъ!
Твоя царица предъ тобой чиста,
Чиста какъ день! Грѣшно тебѣ царицу
Хотѣть мѣнять на новую жену!
Чѣмъ съ Англіей искать тебѣ союза,
Взгляни на Русь! Каковъ ея удѣлъ?
Ты, государь — скажу тебѣ открыто —
Ты, въ юныхъ дняхъ испуганный крамолой,
Всю жизнь свою боялся мнимыхъ смуть
И подавилъ измученную землю.
Ты сокрушилъ въ ней все, что было сильно,
Ты въ ней поправилъ все, что имѣло разумъ,
Ты безсловесныхъ сдѣлалъ изъ людей —
И самъ теперь какъ дубъ во чистомъ полѣ,
Стоишь одинъ, и ни на что не можешь
Ты опереться, если — Богъ избави —
Тебя оставить счастье твое,
Ты предъ несчастьемъ будешь нагъ и бѣденъ.
Несчастье-жъ недалеко, государь!
Не радуйся побѣдѣ надъ Батуромъ —
Есть на Руси другія тѣсноты!
Орда и шведъ грозятъ намъ, а внутри
Неправосудье, неустройство, голодъ!
Ихъ англійскимъ союзомъ не избыть!
Я старъ, великій государь, и близокъ
Уже ко гробу. Незачѣмъ мнѣ даромъ
Тебѣ перечить! Да и самъ-то ты
Ужъ нѣмолодъ, великій государь.
Въ твои лѣта о новомъ бракѣ думать

Грѣшно, да и негоже. Бога-бъ ты
Благодариль за добрую царицу,
А не искалъ себѣ другой!

ІОАННЪ.

Микита!

Я даль тебѣ домолвить до конца.
Ко гробу ближе ты, чѣмъ мыслишь. Мнѣ
Наскучило тебя щадить. Легко бъ я
Могъ отвѣчать на болтовню твою,
Но мой отвѣтъ: Я такъ хочу! Довольно!
Ни слова болѣ! Время намъ принять
Батурова посла. Ступай за мной.

(Къ царицѣ).

Ты жъ будь готова въ монастырь идти!

(Уходитъ съ Захарьинымъ).

Престольная палата. Весь дворъ, въ богатомъ убранствѣ,
входитъ и размѣщается вдоль стѣнъ. У дверей и вокругъ
престола становятся рынды съ топорами на плечахъ. Трубы и
колокола возвѣщаютъ приходъ Іоанна. Онъ входитъ изъ
внутреннихъ покоевъ вмѣстѣ съ Захарьинымъ.

ІОАННЪ (Къ Захарину).

Впустить посла! Но почестей ему

Не надо никакихъ. Я баловать

Уже Батура болѣ не намѣренъ!

(Захаринъ уходитъ. Іоаннъ садится на престоль.

Черезъ приемную дверь входитъ Гарабурда и съ
низкимъ поклономъ останавливается передъ
Іоанномъ).

ІОАННЪ (мѣря его глазами).

Не въ первый разъ тебя я вижу, панъ

Гарабурда, передъ моимъ престоломъ.

По смерти Жигнмонта короля,

Ты съ порученіемъ ко мнѣ отъ сейма
Быль присланъ?

ГАРАБУРДА.
Такъ, великій государь.

ІОАННЪ.
Мнѣ помнится, что польскіе паны
Корону предлагали мнѣ?

ГАРАБУРДА.
Такъ есть.

ІОАННЪ.
Но учиниться вашимъ королемъ,
Не сдѣлавъ власть мою наслѣдной властью.
За благо миѣ не разсудилось. Вы же
Условия не изволили принять.

ГАРАБУРДА.
Великій царь не можно было намъ
Республики нарушить привилегій!
У насъ законъ, чтобъ всякій разъ король
Отъ сема выбранъ былъ.

ІОАННЪ.
Хорошъ законъ!
Достойнаго онъ въ Генрикѣ владыку
Доставилъ вамъ!

ГАРАБУРДА.
А бѣсъ его возьми!
То былъ совѣмъ дрянной король! Когда
Отъ насъ утекъ онъ, мы рукой махнули
И выбрали другого.

ІОАННЪ.

Да! Батура,
Того, который дань платилъ султану,
Когда былъ княземъ седмиградскимъ. Ну,
Чего онъ хочетъ? съ чѣмъ тебя прислалъ онъ?

ГАРАБУРДА.

Пресвѣтлый мой великій господинъ,
Король на Полишѣ, седмиградскій князь,
Великій князь литовскій...

ІОАННЪ.

Погоди-ка!
Ты православной вѣры? Мнѣ сказали,
Что ты ходилъ къ обѣднѣ въ нашъ соборъ?

ГАРАБУРДА.

Такъ, государь.

ІОАННЪ.

Зачѣмъ же господиномъ
Схисматика латинскаго зовешь ты?

ГАРАБУРДА.

А потому, великій царь, что онъ
Всѣ вольности Украйны утвердилъ,
Святую церковь нашу чтить, и намъ
Ксендзовъ проклятыхъ далъ повыгонять.

ІОАННЪ.

Всѣ вѣры для него равны, я слышалъ;
И басурмановъ также онъ честить.
Ну, говори, какое челобитье
Онъ намъ прислалъ? О чемъ просить изволить
Сосѣдъ Степанъ?

ГАРАБУРДА.

Онъ просить напередъ,
Чтобъ ты, панъ-царь, не звалъ его сосѣдомъ,
А воздавалъ и письменно и устно
Ему ту честь, названія и титуль,
И почести, которыя его
Пресвѣтлому довлѣютъ маестату!

ІОАННЪ.

Ахъ, онъ шутникъ! Теперь? Въ тотъ самый часъ,
Когда домой бѣжадъ онъ изъ-подъ Пскова?
Недурно! дальше!

ГАРАБУРДА.

Далѣ отъ тебя
Онъ требуетъ, чтобъ изъ земли ливонской
Не медля, вывелъ ты свои полки
И навсегда-бъ коронѣ польской отдалъ
Смоленскъ и Полоцкъ, Новгородъ и Псковъ.
(Ропотъ въ собраніи).
На этомъ миръ съ тобою заключить
Согласенъ онъ.

ІОАННЪ.

Посоль! ты много-ль выпилъ
Ковшей вина? Какъ смѣлъ ты предо мною
Явиться пьяный?
(Къ стольникамъ).
Кто изъ васъ дерзнулъ
Нетрезваго впустить въ мои палаты?

ГАРАБУРДА.

Коли-же милости твоей, панъ-царь,
Условія такія не смакуютъ,
Король Степанъ велить тебѣ сказать:

«Чѣмъ даромъ лить намъ кровъ народовъ нашихъ,
«Возсядемъ на коней и другъ со другомъ
«Смертельный бой на сабляхъ учинимъ,
«Какъ лыцарямъ прилично благороднымъ!»
И съ тѣмъ король тебѣ перчатку шлетъ.
(Бросаетъ передъ Иоанномъ желѣзную перчатку).

ІОАННЪ.

Изъ васъ обоихъ кто сошелъ съ ума?
Ты иль король? Къ чему перчатка эта?
Не для того-ль, чтобъ ею мнѣ тебя
Бить по лицу? Да ты забылъ, собака,
Что предъ тобой не избранный король?
Помазанника божья смѣешь ты
На поле звать? Я поле дамъ тебѣ!
Зашитаго тебя въ медвѣжью шкуру
Велю я въ полѣ псами затравить!

ГАРАБУРДА.

Ни, этого, панъ-царь, не можно.

ІОАННЪ.

Что?

Да онъ не шутить-ли со мной? Бояре,
Ужель забавнымъ я кажусь?

ГАРАБУРДА.

Ни, ни!

Посла никакъ зашить не можно въ шкуру.

ІОАННЪ.

Вонъ съ глазъ моихъ! Плетьми его отсюда!
Плетьми прогнать обратно къ королю!
Вонъ изъ палаты! Вонъ, собака! Вонъ!

(Хватаетъ у рынды топоръ и бросаетъ въ Гарабурду).

ГАРАБУРДА (отклоняя ударъ).

Поторопился-жь ты, панъ-царь. Ты, видно,
И не слыхалъ еще того, панъ-царь,
Что изъ Варшавы прибылъ съ новымъ войскомъ
Король Степанъ? Что на границѣ онъ
Ужь въ пухъ и прахъ разбилъ твои полки?
Ты, видно, не слыхалъ, что шведъ уже
Нарову взялъ? и вмѣстѣ съ королемъ
Готовится на Новгородъ идти?
Дрянные-жь воеводы у тебя,
Что не дали и знать тебѣ объ этомъ!

ІОАННЪ (вставая съ престола).

Ты лжешь, злодѣй!

ГАРАБУРДА.

А, ей-же Богу, такъ.

Зачѣмъ мнѣ лгать? Нѣтъ, лгать нехорошо.
Коли-жь, панъ царь, ты выѣхать не хочешь
На честный бой съ пресвѣтлымъ королемъ,
Къ тебѣ король пожалуй на Москву
Приѣдетъ самъ. Теперь же будь здоровъ!
(Уходитъ. Общее смятеніе).

ГОДУНОВЪ (вбѣгая).

Великій государь! Что сдѣлалъ ты?
Ты оскорбилъ Батунова посла?

ІОАННЪ.

Онъ лжетъ какъ пѣсь!

ГОДУНОВЪ.

Нѣтъ, государь! Все правда!

Сейчасъ гонцы отъ войска прискакали —
Я видѣлъ ихъ — Нарову взяли шведы —

Полки разбиты наши!

ЮАННЪ.

Лгутъ гонцы!

Повѣсить ихъ! Смерть всякому, кто скажетъ,

Что я разбитъ! Не могутъ быть разбиты

Мои полки! Вѣсть о *моей* побѣдѣ

Должна прійти! И нынѣ же молебны

Побѣдные служить по вѣмъ церквамъ!

(Падаеть въ изнеможеніи въ престольныя кресла).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Площадь въ Замоскворѣчьи. Площадь наполнена возами.
Въ сторонѣ хлѣбныя лабазы. За рѣкой видѣнъ Кремль.
Вечерѣтъ. Толпа народа волнуется передъ лабазомъ.

ЛАБАЗНИКЪ.

Ступайте прочь! Чего напѣрли снова!
Вѣдь сказана цѣна вамъ: семь алтынъ
За полчетверки!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Батюшка, помилуй!
Скинь хоть алтынъ!

ДРУГОЙ.

Четыре дня не ѣли!

ТРЕТІЙ.

Побойся Бога!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Смилуйся, родимый!
Отсыпь хоть въ долгъ! О пасхѣ заплачу —
Вотъ-те Христось!

ЛАБАЗНИКЪ.

Проваливай! О пасхѣ!
Вишь, въ долгъ давай хозяйское добро!
Прочь, говорю вамъ!

(Дерется).

ПЕРВЫЙ.

Что жъ ты, людоѣдъ?
Околѣвать намъ, что ли?

ВТОРОЙ.

Лучше прямо

Ножомъ зарѣжь!

ТРЕТІЙ.

Разбойникъ! Душегубецъ!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Жидовская душа! Ты развѣ самъ
Свой съѣшь запасъ? Самъ, что-ли?

ЛАБАЗНИКЪ.

Карауль!

Лабазъ мой разбиваютъ!

(Подходятъ два пристава).

1-Й ПРИСТАВЪ.

Что за шумъ?

Кто тутъ буянить?

ЛАБАЗНИКЪ.

Помогите! Бунтъ!

Ломаютъ дверь!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Вступитесь, государи!

ДРУГОЙ.

Велите цѣну сбавить, государи!

ТРЕТІЙ.

Не дайте съ голодухи помереть!

ЛАБАЗНИКЪ.

Они меня сбিরались грабить!

ПЕРВЫЙ.

Вретъ!
Онъ самъ дерется! чуть не изувѣчилъ!

1-Й ПРИСТАВЪ (къ лабазнику).
Какъ смѣешь ты народъ увѣчить? А?

2-Й ПРИСТАВЪ.
Въ приказъ его! Къ допросу!

ЛАБАЗНИКЪ.
Государи!
Помилуйте! за что меня въ приказъ?
Хозяйское отстаиваль добро!
(Суетъ имъ деньги).

1-Й ПРИСТАВЪ.
Ну, развѣ такъ!

2-Й ПРИСТАВЪ.
Что-жъ сразу не сказалъ!

1-Й ПРИСТАВЪ (къ народу).
Прочь, вы, разбойники! Вотъ я васъ! Прочь!

2-Й ПРИСТАВЪ.
Въ застѣнокъ ихъ! Въ приказъ! Къ допросу!
(Народъ отступаетъ).
То-то!
(Оба пристава идутъ далѣ).

ЛАБАЗНИКЪ (смотреть имъ вслѣдъ).
Христопродавцы! Ишь! Пошли по рынку,
Выглядывать съ кого-бъ еще содрать!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

И по дѣломъ тебѣ!

ДРУГОЙ.

Съ своимъ запасомъ

Чтобъ лопнулъ ты!

ТРЕТИЙ.

Мы съ голодухи мремъ,

А онъ сидитъ какъ крыса въ закромахъ
Да дуется!

(Лабазникъ отходитъ).

ЧЕТВЕРТЫЙ.

А приставамъ пожива!

ПЕРВЫЙ.

Порядокъ, вишь, преставлены блюсти!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Ну, ужъ порядокъ! Пусть бы царь узналъ!

ПЕРВЫЙ.

За взятки царь таки казнилъ ихъ прежде!
Я видѣлъ самъ; разъ девять человѣкъ
Висѣло рядомъ; а на шею имъ
Повѣшаны ихъ посулы всѣ были!

ВТОРОЙ.

Да, царь въ обиду не давалъ народъ!
Бывало, самъ выходитъ на крыльцо,
Отъ всякаго примаешь челобитье
И рядитъ судъ, а судъ его недологъ:
Обидчикъ будь хоть князь, иль воевода,
А уличенъ такъ — голову долой!

(Подходитъ Кикинъ, переодѣтый въ странника, въ черномъ подрясникѣ, съ палкою и четками въ рукахъ).

КИКИНЪ.

Такъ прежде было, сыне, прежде было!
Теперь не то! Теперь грѣхъ нашихъ ради,
Врагъ помрачилъ царицы очи. Нынѣ
Ужъ не царь, а Годуновъ всѣмъ править,
Очами Годунова смотритъ царь!

(Народъ столпляется вокругъ Кикина).

Вы слышали, что говорилъ лабазникъ?
Хозяйское, молъ, не свое добро!
А кто хозяинъ? Тотъ же Годуновъ!
Кто цѣны набиваетъ? Годуновъ же!
Легко сказать! Четырнадцать алтынъ
Четверка ржи! Кабы не Годуновъ,
Она всего пошла бы два алтына!

(Ропотъ въ народѣ).

Охъ, прогнѣвили Господа мы, братья!
Намъ мука по дѣломъ! Глядимъ на грѣхъ,
Сложимши руки, а еретикъ тотъ
Межъ тѣмъ царя обходить да обходить!

(Ропотъ усиливается).

Господь не даромъ знаменье явилъ:
Кровавую хвостатую звѣзду!
Чай, видѣли ее вы?

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Какъ не видѣть?

ДРУГОЙ.

Котору ночь она восходитъ тамъ,
Надъ тою башней!

ТРЕТІЙ.

Вотъ она сейчасъ.
Взойдетъ опять, лишь небо потемнѣетъ!

КИКИНЪ.

Великій гнѣвъ Господь являетъ ею!
То огненный подъятъ надъ нами мечъ,
За то, что мы царя, а съ нимъ всю землю
Еретику въ обиду злему дали!

ПЕРВЫЙ.

Отколѣ же то вѣдомо тебѣ?

КИКИНЪ.

Считаюсь, сыне, по святымъ мѣстамъ;
Былъ въ Соловкахъ, и на горѣ Аѳонской,
Въ Ерусалимѣ былъ, всего наслышанъ,
Моря исплавалъ, земли исходилъ,
Титъ-рыбу видѣлъ, птицу Евстрафилъ,
И Алатырь, горючій, бѣлый камень!
Теперь иду отъ Кіева; тамъ чудо
Великое свершилось; со креста
Софійскаго былъ слышанъ велій гласъ:
Пророчилъ гибель русскому народу
За то, что терпитъ Годунова!

ПЕРВЫЙ.

Братцы!
Вы слышите, что странникъ говорить!

КИКИНЪ.

И гласъ вѣщаль: возстаньте, христіане!
На Годунова чресла опояшьте,
Бо отъ него всѣ бѣды на Руси!

ВТОРОЙ.

Слышь, замѣчай! Все зло отъ Годунова!

КИКИНЪ.

Такъ, сыне, такъ! Все зло отъ Годунова!
Онъ держитъ хлѣбъ, онъ язвы насылаетъ,
Онъ короля призвалъ на Русь, онъ хана
Поднять хвалился на Москву!

ТРЕТИЙ.

А, братцы?

Что-жь, въ самомъ дѣлѣ? Если правду онъ
Всему виной — мы порѣшимъ его!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Да правду-ль такъ?

КИКИНЪ.

Воистину и вправду!

Грѣхъ, сыне, намъ не вѣрить въ божій гласъ!

ПЯТЫЙ.

Ты самъ-ли слышалъ, отче странникъ?

КИКИНЪ.

Самъ!

Какъ разъ, когда народъ валилъ изъ церкви
Отъ всенощной. Софійскій крестъ въ огнѣ
Явился весь и гласъ съ него раздался.
Не я одинъ, весь кievскій народъ
Ему внималъ, и ниць всѣ пали въ страхѣ!

ТРЕТИЙ.

Ребята! Что-жь? Когда весь Кіевъ-городъ
Тотъ слышалъ гласъ, такъ стало быть ужъ правда!

ГОВОРЪ ВЪ НАРОДЪ.

Вѣстимо, правда! Значить, Годуновъ
Измѣнникъ! Да! измѣнникъ и колдунъ!
Онъ, стадо, Божій гнѣвъ на насъ накликалъ!
Антихристъ онъ!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Эй, что вы, братцы? Полно!
Грѣхъ вашъ его порочить!

ДРУГОЙ.

Вправду грѣхъ!
Опричь добра о Годуновѣ, братцы,
Мы не слышали ничего!

КРИКИ ВЪ НАРОДЪ.

Вороны!
Что слушать ихъ! Они за колдуна!
Крѣпки-ли ребра? Бей того, кто будетъ
За вора говорить! Онъ хлѣбъ нашъ держить!
Антихристъ онъ! Всѣхъ нашихъ бѣдъ заводчикъ!
Такъ порѣшимъ его! Чего тутъ ждать!
(Слышенъ голосъ Битяговскаго. поющаго удалую пѣсню).

БИТЯГОВСКІЙ (поетъ за сценой).

«Ужь ты, пьяница-пропоица, скажи,
«Что несешь ты подъ полою, покажи?»»

ПЕРВЫЙ.

Кто тамъ горланить? Что онъ на-смѣхъ, что-ли,
Въ такую пору пѣсню затынулъ?

БИТЯГОВСКІЙ (является, шапка набекрень, кафтанъ
на распашку).

«Изъ корчмы иду я, братцы, удалой,

«А несу себѣ я гусли подъ полой!»

КИКИНЪ (къ Битяговскому).

Великій грѣхъ въ такую пору, чадо,
Когда на насъ прогнѣвался Господь,
Когда являетъ знаменья на небѣ,
На землю-жъ гладь и скорби посылаетъ,
Великій грѣхъ намъ суетъ служить,
Веселію мірскому предаваться
И суесловіемъ и пѣснопѣньемъ
Діавола во адѣ потѣшать.

БИТЯГОВСКІЙ.

Красно, товарищъ, сказано! Жаль только,
Что невпопадъ! Когда-жъ и веселиться,
Коль не теперь? Аль не слыхали, братцы,
Какую милость намъ Господь явилъ?

ГОВОРЪ.

Какую? Говори! Какую милость?

БИТЯГОВСКІЙ.

А вотъ, ребята, слушайте! Бояре
Князь Шуйскій съ Бѣльскимъ — накажи ихъ Богъ!
Задумали — чтобъ имъ на томъ свѣту
Въ смолѣ кипѣть! Задумали царя
Отравой извести!

ГОВОРЪ.

Слышь, слышь ребята!
(Кикинъ дѣлаетъ знаки Битяговскому).

БИТЯГОВСКІЙ (не обращая на него вниманія).

Господь грѣху не попустилъ свершиться!
Провѣдалъ ихъ злодѣйство Годуновъ,

Да тотъ пирогъ, что для царя спекли,
Собакѣ бросилъ. Та его какъ съѣла —
Такъ и издохла!

НАРОДЪ.

Ахъ они, злодѣи!

Ахъ окаянные! Да кто, сказалъ ты,
Кто спасъ царя? Кто бросилъ псу пирогъ?

БИТЯГОВСКІЙ.

Вѣстимо кто! Бояринъ Годуновъ!
Кому-жъ другому? Онъ и днемъ и ночью
Блюдетъ царя! А безъ него давно
Проклятый Бѣльскій съ Шуйскимъ извели-бы
Весь царскій корень!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА (къ Кикину).

Что-жъ ты говорилъ,

Что Годуновъ измѣнникъ!

КИКИНЪ.

Да, измѣнникъ!

Иль даромъ намъ Господь изъ-за него
И знаменья и голодъ посылаетъ?

(Тихо къ Битяговскому).

Съума ты, что-ль, сошелъ, аль пьянъ напился?

ВТОРОЙ (къ Кикину).

Какой же онъ измѣнникъ, коль царя
Отъ смерти спасъ онъ?

ТРЕТІЙ (къ Битяговскому).

Полно такъ-ли, братъ?

Вотъ странникъ слышалъ самъ, какъ обличалъ
Съ креста гласъ Божій Годунова!

БИТЯГОВСКІЙ.

Странникъ?

Какой? Вонъ этотъ? что ли? Ха, ха, ха!
Хорошъ онъ странникъ! Онъ Прокофій Кикинъ,
Рязанскій дворянинъ! Мы съ нимъ частенько
По кружаламъ таскались! Изъ Рязани
Онъ далѣ не ходилъ, какъ до Москвы!
(Ударяетъ Кикина по плечу).

Прокофій Силычъ, ты кого морочишь?
Вишь, нарядился Лазаремъ какимъ!

КИКИНЪ (тихо къ Битяговскому).

Рехнулся ты?

БИТЯГОВСКІЙ (тихо къ Кикину).

Ты за кого стоишь?

КИКИНЪ (тихо къ Битяговскому).

Какъ за кого? За Бѣльскаго! Вѣдь Бѣльскій
Насъ торговалъ!

БИТЯГОВСКІЙ (презрительно).

Пораньше было встать!

КИКИНЪ.

Такъ вотъ ты какъ, Іуда? Погоди-ка:
Я Бѣльскому скажу!

БИТЯГОВСКІЙ.

Небось, не скажешь!

Взять его, ребята! Шуйскій съ Бѣльскимъ
Его къ намъ подослал!

КИКИНЪ.

Нѣтъ, неправда

Его вяжите! Онъ отъ Годунова
Сюда подосланъ!

НАРОДЪ.

Кто ихъ разбереть!

Одинъ изъ двухъ морочить насъ! — Ребята!

Что долго думать! Вздернемъ ихъ обоихъ!

— Зачѣмъ обоихъ! — Будеть одного! —

Котораго? — А перваго! — Втораго! —

Нѣтъ, перваго! —

(Слышенъ звонъ бубень. Григорій Годуновъ
показывается, верхомъ, съ двумя бирючами. За
ними валитъ новая толпа).

НАРОДЪ.

Постой, ребята! Тише!

Бояринъ ѣдетъ съ бирючами! — Смирно!

Онъ говоритъ къ намъ хочеть! Тише! — Слушать! —

Онъ говоритъ!

ГРИГОРІЙ ГОДУНОВЪ (говоритъ съ коня).

Зарѣченскіе люди

Московскихъ черныхъ сотенъ и слободъ!

Слуга царевъ, его бояринъ ближній,

Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ,

Шлетъ вамъ поклонъ. Скорбя о вашей долѣ

И вѣдая всѣ ваши тѣсноты,

Повѣтріе и ржи дороговизну,

Онъ хлѣбные запасы на Мосевѣ

Какіе есть, изъ собственной казны,

Скупаеть всѣ, и завтра приказалъ

Раздать ихъ вамъ безденежно, а васъ

Молиться проситъ о его здоровьѣ!

НАРОДЪ.

Отецъ онъ нашъ! — Дай Богъ ему здоровья! —
Кормилецъ нашъ! — Слышь, Годуновъ намъ даромъ
Хлѣбъ раздаеть! — Спаси его Господь! —
Воздай ему сторицей! — Да живетъ
Бояринъ Годуновъ! — А кто сказалъ,
Что онъ намъ врагъ? — Кто подымалъ насъ, братцы,
На Годунова? — Гдѣ онъ воръ — собака?
Да мы его на ключья разнесемъ!

(Кикинъ хочеть бѣжать; народъ бросается на него съ крикомъ):

Бей, бей его! Лови!

БИТЯГОВСКІЙ (заложа руки за поясъ).

Что, дурень, взялъ?

Впередъ смотри, откуда вѣтеръ дуетъ!

Внутренніе покои царя. Ночь. Царица Марія Ѳеодоровна, царевна Ирина Ѳеодоровна и Марія Григорьевна глядятъ въ окно. На звѣздномъ небѣ вырѣзываются башни Кремля и церковныя главы. Между церквами Благовѣщенія и Ивана великаго видна комета.

МАРІЯ ГОДУНОВА (къ Иринѣ).

Золушка, смотри какъ далеко
Звѣзда свой хвостъ раскинула! Какъ разъ
Надъ городомъ полъ неба охватила!

ИРИНА.

Она какъ-будто ярче съ каждой ночью
И больше все становится!

(Входитъ царевичъ Ѳеодоръ Іоанновичъ).

ѲЕДОРЪ (дергая Ирину за рукавъ).

Оставь,

Аринушка! Довольно; отойди;

Глядѣть на это долго не годится;
Оно вѣдь не къ добру!

ЦАРИЦА (къ Ѳедору).
Гдѣ государь?
Ужели все на знаменіе смотреть?

ѲЕДОРЪ.
Да, матушка. Стоитъ все на крыльцѣ
И смотреть на звѣзду. Мнѣ съ нимъ хотѣлось
Заговорить, но страшно было. Онъ
Все, молча, смотреть, а кругомъ бояре
Очей поднять не смѣютъ на него.

ЦАРИЦА (задумчиво).
Уже который вечеръ ходитъ онъ
Все на звѣзду смотрѣть!

ИРИНА.
И каждый разъ
Все пасмурнѣй приходитъ, и ни слова
Не вымолвить!

ѲЕДОРЪ.
Нерадостныя вѣсти
Его тревожатъ.

ИРИНА.
Правда-ли, что ханъ
Ужъ подошелъ къ Окѣ?

ѲЕДОРЪ.
Борись сказалъ,
Что точно правда. Страшно и подумать
Я вотъ хотѣлъ-бы къ Троицѣ пѣшкомъ

Отправиться, молебень отслужить,
Да какъ спросить у батюшки, не знаю.

ИРИНА.

Ахъ Господи! бѣда со всѣхъ сторонъ!
Ужъ не за тѣмъ-ли и звѣзда явилась?

МАРІЯ ГОДУНОВА.

Богъ вѣсть! Недавно привезли сюда
Волхвовъ и ворожей, которыхъ царь
Собрать велѣлъ, чтобы они ему
Повѣдали, зачѣмъ она явилась.

ЦАРИЦА.

Волхвовъ? Помилуй Богъ! Царь видѣлъ ихъ?

ӨЕДОРЪ.

Нѣтъ, матушка; но говорилъ Борисъ,
Что ужъ они гадали всѣмъ соборомъ
И батюшкѣ сегодня принести
Должны отвѣтъ.

ИРИНА.

Онъ, говорятъ, послалъ
За схимникомъ какимъ-то?

ӨЕДОРЪ.

Да, Арина;

Я отъ Бориса слышалъ, что послалъ.
То мужъ святой. Ужъ тридцать слишкомъ лѣтъ
Затворникомъ живетъ онъ. У него
Царь-батюшко спросить совѣта хочетъ.

ЦАРИЦА.

Дай Богъ, чтобъ схимникъ далъ ему совѣтъ!

ИРИНА.

Дай Господи! Зачѣмъ бы государю
Сбирать волхвовъ и на душу брать грѣхъ!

ӨЕДОРЪ (озираясь).

Арина, тсъ! Въ сѣняхъ шаги какъ будто
Я батюшкины слышу!

СТОЛЬНИКЪ (поспѣшно отворяетъ дверь и говоритъ
шепотомъ).

Царь идетъ!

(Іоаннъ входитъ, опираясь одною
рукою на посохъ, другою на
плечо Бориса Годунова. За нимъ
бояре).

ІОАННЪ (къ Ѳедору и женщинамъ).

Ступайте всѣ сюда! — Всѣ подойдите
И слушайте!

(Садится).

Я знаменіе понялъ!

Волхвы, которыхъ я собрать велѣлъ,

Мнѣ новаго не скажутъ — самъ я понялъ!

(Молчаніе. Ѳедоръ тихонько подталкиваетъ Ирину).

ИРИНА (боязливо къ Іоанну).

Царь-батюшко... дозвожь тебя спросить,

Что понялъ ты?

ІОАННЪ.

Вы видите звѣзду?

Она мнѣ смерть явилась возвѣститъ!

ӨЕДОРЪ (бросаясь на колѣни).

Помилуй, батюшка! Помилуй, что ты!

ІОАННЪ.

Встань и не хнычь. Еще успѣешь хныкать.
Сперва принять ты долженъ государство.
Встань, говорю тебѣ!

(Женщины подымають вопль).

Молчите, бабы!

Успѣете! Позвать ко мнѣ врача!
Царица Марья — я съ тобой намедни
Негоже говорилъ — забудь о томъ.
Сынъ Ѳедоръ — ты въ тяжелый, трудный часъ
Восходишь на престолъ — ты думаль-ли
Что будешь дѣлать, какъ меня не станеть?

ѲЕДОРЪ.

Царь-батюшка! Когда ты насъ покинешь,
Не знаю, какъ и быть!

ІОАННЪ.

Ты долженъ знать!

Ты скоро царь. Не вѣкъ на колокольнѣ
Тебѣ звонить. Ты продолжать-ли будешь
Войну, иль миръ съ Батуромъ учинишь?

ѲЕДОРЪ.

Какъ, батюшка, прикажешь!

ІОАННЪ.

По грѣхамъ

Мнѣ наказанье послано отъ Бога!
Иванъ, Иванъ! Мой старшій сынъ Иванъ!
Ты мнѣ не такъ-бы отвѣчалъ! — Врача!

(Входитъ врачъ Якоби).

А, вотъ ты! Что? Къ чему мнѣ послужила
Твоя наука? Умереть я долженъ!
Скажи, когда умру я? Говори!

Я знать хочу!

ЯКОБИ (пощупавъ пульсъ).
Великій царь, ты боленъ,
Но умирать тебѣ причины нѣтъ!

ІОАННЪ.
Неправда! я умру — я знаю вѣрно!
Кровавая звѣзда — я развѣ слѣпъ?
Я понялъ все!

ЯКОБИ.
Когда своимъ ты мнѣнъемъ,
Великій царь, себѣ не повредишь,
Ты будешь здоровъ. Тебѣ я головою
Готовъ за это отвѣчать.

ІОАННЪ.
Ты лжешь!
Тебя бояре подкупили; Курбскій
И всѣ мои злодѣи подкупили,
Чтобъ умеръ я безъ покаянья. А?
Кто подкупилъ тебя?

ЯКОБИ.
Великій царь,
Твой мозгъ отъ долгихъ бдѣній раздраженъ,
И кровь твоя воспалена. Дозволь
Тебѣ напитокъ на ночь приготовить;
Онъ освѣжитъ тебя.

ІОАННЪ.
Я не умру
Безъ покаянья! Слышишь? Я успѣю
Покаяться!

(Къ боярамъ)

Успѣю — вамъ на зло!

Позвать волхвовъ! Отъ нихъ узнаю я,
Когда мой часъ прійдетъ. А до того
Я царь еще! Я наказать съумѣю
Того изъ васъ, кто хочетъ, чтобъ я умеръ
Какъ песъ, безъ покаянья!

(Входятъ два волхва).

Вотъ они

Зачѣмъ васъ только двое? Гдѣ другіе?

1-Й ВОЛХВЪ.

Всѣ вмѣстѣ, царь, мы въ Рафляхъ и въ Зодѣѣ
Три дня читали. Нынѣ нашъ соборъ
Насъ двухъ къ тебѣ съ отвѣтомъ присылаетъ.

ІОАННЪ.

Ну — что же?

2-Й ВОЛХВЪ.

Царь, намъ страшно говорить!

ІОАННЪ.

Я знаю все. Мнѣ смерть? Скажите прямо!

1-Й ВОЛХВЪ.

Такъ, государь.

ІОАННЪ.

Когда?

1-Й ВОЛХВЪ.

Въ Кириллинъ день.

2-Й ВОЛХВЪ.

Въ Кириллинъ день — осьмнадцатаго марта.

ІОАННЪ (про себя).

Осьмнадцатаго марта! Это скоро!

Я думалъ позже — я не ждалъ такъ скоро!

(къ волхвамъ)

Откуда вы?

1-Й ВОЛХВЪ.

Я родомъ изъ кореловъ.

2-Й ВОЛХВЪ.

Я изъ Литвы.

ІОАННЪ.

А кто васъ научилъ

Кудесничать и звѣзды толковать?

1-Й ВОЛХВЪ.

Изъ рода въ родъ къ намъ перешло отъ предковъ.

ІОАННЪ.

Вы христіане?

2-Й ВОЛХВЪ.

Насъ крестили, царь.

ІОАННЪ.

Проклятые! Вы знаете ль, что наша

Святая церковь ворожбы не терпитъ?

1-Й ВОЛХВЪ.

По твоему лишь царскому указу

Гадали мы.

ІОАННЪ.

По моему указу
Волхвовъ казнять! Зловѣщія уста
Я вамъ живымъ велю землей засыпать!

2-Й ВОЛХВЪ.

Мы не виновны, царь! Не наша власть
Изъ нашихъ устъ къ тебѣ вѣщаетъ.

ІОАННЪ.

Чья же!

1-Й ВОЛХВЪ.

Не спрашивай.

2-Й ВОЛХВЪ.

Не спрашивай насъ, царь —
Ты знаешь самъ.

ІОАННЪ.

Нѣтъ! Богъ свидѣтель мнѣ,
Отъ власти той я отрекаюсь! Васъ же,
Богоотступниковъ, я выдамъ церкви!
Сковать обоихъ и съ другими вмѣстѣ
Отвести въ тюрьму!

(Волхвовъ уводятъ).

Осьмнадцатаго марта!

Немного дней осталось мнѣ. Явится
Предъ судьей пришла пора. Но я
Не дамъ моимъ врагамъ торжествовать
И съ миромъ всѣ мои покончу счеты!

(Къ Годунову).

Борисъ! Сходи въ опочивальню — тамъ
На полицѣ лежитъ, подъ образами,
Начатый мной синодикъ. Принеси

Его сюда.

(Годуновъ уходитъ. Іоаннъ
продолжаетъ, косясь на
боярь):

Ни одного изъ тѣхъ,
Которыхъ я казнилъ за ихъ измѣны,
Я не оставлю безъ поминовенья —
Ни одного! Послѣднему холопу
Назначу вкладъ за упокой! — Что взяли?

(Годуновъ возвращается съ бумагою).

Поди сюда. Такъ. Это тотъ синодикъ.
Прочти мнѣ вслухъ — возьми перо — и если
Когонибудь еще припомню я.
Того ты впишешь!

ГОДУНОВЪ (беретъ перо и читаетъ):

«Упокой, Господь,

«Твоихъ рабовъ: боярина Михаила,
«Окольничьихъ Ивана и Петра,
«Боярина Василя съ женою,
«Да ихъ холопей тридцать человѣкъ.
«Помилуй воеводу князь Григорья
«Съ княгинею, съ двумя ихъ дочерьми,
«Да съ малолѣтнимъ сыномъ, а при нихъ
«Холопей ихъ сто-двадцать человѣкъ.
«Боярина князь Якова съ княгиней
«Маріею, съ княжной Елисаветой,
«Съ княжатами съ Никитой и съ Иваномъ,
«Да ихъ холопей сорокъ человѣкъ.
«Игуменовъ Корнилія, Васьяна,
«Архіерея Леонида, съ ними жъ
«Пятнадцать иноковъ...»

ІОАННЪ.

Постой — пятнадцать?

Ихъ было болѣ — двадцать напиши!

ГОДУНОВЪ (пишетъ и продолжаетъ):

«Помилуй, Господи, и упокой
«Крестьянъ опальныхъ сель и деревень
«Боярина Морозова, числомъ
«До тысячи двухсотъ. Трехъ нищихъ старцевъ,
«Затравленныхъ медвѣдемъ. Девять женокъ,
«Что привезли изъ Пскова. Всѣхъ сидѣльцевъ
«Которые сдалися королю
«И были имъ отпущены на волю,
«Числомъ двѣ тысячи... Новгородцевъ,
«Утопленныхъ и избіенныхъ
«Двѣнадцать тысячъ, ихъ же имена
«Ты вѣси, Господи!...»

ІОАННЪ.

Постой! — За дверью

Тамъ кто-то говоритъ!

(Бѣльскій выходитъ и тотчасъ возвращается).

БѢЛЬСКІЙ.

Дворецкій твой

Изъ слободы пріѣхалъ, государь.

ІОАННЪ.

Объ эту пору? Ночью? что случилось?

Позвать его!

(Входитъ дворецкій).

Зачѣмъ пріѣхалъ ты?

ДВОРЕЦКІЙ.

Царь-государь! Гнѣвъ божій насъ постигъ!

Вчерашняго утра въ твой царскій теремъ

Ударилъ громъ, и сжегъ его до тла!

ІОАННЪ.

Теперь? Зимой?

ДВОРЕЦКІЙ.

Гнѣвъ Божій, государь!

Въ морозное, безоблачное утро
Нашла гроза. Въ твою опочивальню
Проникла съ трескомъ молонья — и разомъ
Дворецъ вспылалъ. Никто изъ старожилонъ
Того не помнитъ, чтобъ когда зимою
Была гроза!

ІОАННЪ (про себя).

Да! Это божій гнѣвъ!
Въ покоѣ томъ я сына умертвилъ —
Тамъ онъ упалъ — межъ дверью и окномъ —
Разъ только вскрикнулъ, и упалъ — хотѣлъ
За пологъ ухватиться, но не могъ —
И вдругъ упалъ — и кровь его изъ раны
На пологъ брызнула —

(Вздвогнувъ).

Что это было?

Борисъ — оставь, оставь теперь синодикъ —
Мы послѣ кончимъ! Слышите? Что тамъ
Скребеть въ подпольѣ? Слышите? Еще!
Еще! Все ближе! Да воскреснетъ Богъ!
Я царь еще! Мой срокъ еще не минулъ!
Я царь еще — покаяться я властенъ!
Ирина, Ѳедоръ, Марья! Станьте здѣсь —
Другъ подлѣ друга. Ближе, такъ, бояре!
Всѣ рядомъ станьте здѣсь передо мной —
Чего боитесь? Ближе! Я у всѣхъ,

(Кланяется въ землю).

У всѣхъ у васъ прощенія прошу!

БѢЛЬСКІЙ (тихо къ Шуйскому).
Помилуй насъ Господь!

ШУЙСКІЙ (тихо къ БѢльскому).
Остережемся —
Быть можетъ, онъ испытываетъ насъ!

ІОАННЪ (стоя на колѣняхъ).
Вы, вѣрные рабы мои и слуги!
Межь вами нѣтъ ни одного, кого-бъ
Не оскорбилъ я дѣломъ, или словомъ!
Простите-жь мнѣ! Ты БѢльскій — ты Захарьинъ —
Ты князь Мстиславскій — ты князь Шуйскій — ты...

ШУЙСКІЙ.
Помилуй, государь! Тебѣ-ль у насъ
Прощенія просить?...

ІОАННЪ.
Молчи холопъ!
Я каяться и унижаться властенъ
Предъ кѣмъ хочу! Молчи и слушай: каюсь:
Моимъ грѣхамъ нѣсть мѣры, ни числа!
Душою скотенъ — разумомъ растлѣнъ —
Прельстился я блещаньемъ багряницы,
Главу мою гордыней осквернилъ,
Уста божбой, языкъ мой срамословьемъ,
Убийствомъ руки и грабленьемъ злата,
Утробу объядѣніемъ и пьянствомъ,
А чресла несказуемымъ грѣхомъ!
Бояре всѣ! Я васъ молю — простите,
Вы всѣ простите вашему царю!
(Кланяется въ землю).

ЗАХАРЪИНЪ.

Царь-государь! Когда то Божья воля,
Чтобъ ты отъ міра въ вѣчность отошелъ
То о дѣлахъ теперь подумать долженъ
И о войнѣ, которую оставишь
Въ наслѣдство сыну, а грѣхи твои
Мы всѣ тебѣ усердно отпускаемъ
И Господа всѣ молимъ за тебя!

ІОАННЪ (вставая).

Ты правъ, старикъ. Сынъ Ѳедоръ, подойди!
Немного дней — и ты на царство сядешь —
Услышь теперь послѣдній мой наказъ:

(Опускается въ кресла).

Цари съ любовію и съ благочестьемъ,
И съ кротостью. Напрасно не клади
Ни на кого ни казни, ни опалы.
Моимъ врагамъ, которыми отъ царства
Я прогнанъ былъ и, аки бѣдный странникъ,
Искалъ себѣ пріюта на Руси,
Не мсти по мнѣ — Всевышній насъ разсудить!
Мою царицу, мачиху твою,
Блюди и милуй; съ Дмитріемъ же, съ братомъ,
Будь за одинъ; не захоти никакъ
Присвоивать себѣ его удѣла,
Занеже Каинъ Авеля убилъ,
Наслѣдства же не взялъ братоубійца.
Войну съ Литвой старайся кончить миромъ
И силы всѣ на хана устреми.
Совѣтуйся съ Борисомъ; вѣрь ему;
Онъ вѣдаетъ мои предназначтанья
И въ думномъ дѣлѣ мной самимъ отъ млада
Былъ вразумленъ. На первый разъ тебѣ
Онъ дѣлатель изрядный будетъ. Послѣ жъ
Дѣламъ посольскимъ, ратнымъ и судейскимъ

Самъ навыкай, чтобъ не тебѣ другіе,
А ты-бъ другимъ указывалъ во всемъ.
Опричину-жъ ты снова-ль учредишь,
Иль будешь всей землею государить —
Въ твоей то волѣ — ты разсудишь самъ
Какъ то тебѣ и брату прибыльнѣе,
А образецъ вамъ учиненъ готовъ.
Ты все-ли понялъ?

ΘЕДОРЪ.

Батюшка! Дастъ-Богъ,
Ты не умрешь! Дастъ-Богъ, еще меня ты
Переживешь молитвами моими!
А мнѣ куда на царство? Самъ ты знаешь,
Я не готовился къ тому!

ІОАННЪ (гнѣвно).

Θеодоръ!
Тебя не спросятъ: нелюбо, иль любо —
Ты за меня на царство долженъ сѣсть
Когда меня не станеть!

ΘЕДОРЪ.

Не гнѣвись,
Царь-барюшка — но я молю тебя —
Поставь другого! Мало-ль на Руси
Людей меня достойнѣйшихъ и лучшихъ,
А я, царь-батюшка, доволенъ былъ бы
И небольшимъ удѣломъ!

ІОАННЪ.

Пономарь!
Я говорю съ тобой какъ съ мужемъ, ты же
Какъ баба отвѣчаешь! Горе! Горе!
Сыноубійцѣ мститъ за брата братъ!

Иванъ, мой сынъ! Мой сынъ, убитый мною!
Я для того ль всю жизнь провелъ въ борьбѣ,
Сломилъ бояръ, унизилъ непокорство,
Вокругъ себя измѣну подавилъ
И на крови наслѣдный мой престолъ
Такъ высоко поставилъ, чтобы вдругъ
Все рушилось со мной!

(Григорій Нагой входитъ съ бумагами).

ГР. НАГОЙ.

Великій Царь,

Двѣ грамоты къ тебѣ!

ІОАННЪ.

Отдай Борису —

Пусть онъ прочтетъ!

ГОДУНОВЪ (просмотрѣвъ обѣ грамоты).

Изъ Серпухова пишутъ,

Великій государь, что чрезъ Оку
Переправляться ханъ ужъ начинаетъ;
А изъ Казани, что кругомъ возстала
Вся Луговая Черемиса вмѣстѣ
Съ ногаями.

ІОАННЪ.

Нѣтъ! Столько разомъ бѣдъ

Упасть не можетъ на одну главу!

Не вѣрю! Нѣтъ! подай сюда листы!

(Годуновъ подаетъ ему грамоты; онъ долго въ
нихъ смотритъ, роняетъ и остается недвижимымъ.
Молчаніе. Входитъ стольникъ и шепчетъ на ухо
Бѣльскому).

БѢЛЬСКІЙ (къ Іоанну).
Великій царь! Къ тебѣ пришелъ тотъ схимникъ,
Котораго ты привести велѣлъ.

ІОАННЪ (вздвогнувъ).
Впустить его. Вы всѣ ступайте прочь —
Я съ нимъ хочу наединѣ остаться.
(Всѣ выходятъ).

ІОАННЪ (одинъ).
Всевышній Боже! Просвѣти мой разумъ!
(Остается погруженъ въ размышленія. Черезъ
нѣсколько времени входитъ схимникъ, Іоаннъ
встаетъ и преклоняетъ передъ нимъ главу).
Благослови меня, отецъ!

СХИМНИКЪ (благословляетъ его).
Во имя
Отца и Сына и Святаго духа!

ІОАННЪ (садясь).
Я много слышалъ о тебѣ. Ты долго
Затворникомъ живешь. Въ глубокой кельѣ
Свой слухъ и зрѣнье суетъ мірской
Ты заградилъ. Такимъ мужамъ, какъ ты,
Господь даритъ чудесное прозрѣнье
И ихъ устали истину гласить.

СХИМНИКЪ.
Такъ, сынъ мой; есть въ Миняхъ Четіихъ
Тому примѣры; но до тѣхъ мужей
Мнѣ далеко.

ІОАННЪ.
Давно ты схиму принялъ?

СХИМНИКЪ.

Въ тотъ самый годъ, когда ты, государь,
Казань завоевалъ; а сколько лѣтъ
Тому прошло — не вѣдаю.

ІОАННЪ.

Тому
Ужъ тридцать лѣтъ. И съ самой той поры
Ты заперся отъ міра?

СХИМНИКЪ.

Я сегодня
Его увидѣлъ снова въ первый разъ.
Изъ подземельной келіи моей
Меня насильно вывели.

ІОАННЪ.

Прости,
Святой отецъ, что потревожить я
Твое уединенье и молитвы.
Но мнѣ былъ нуженъ твой совѣтъ. Скажи,
Наставь меня, какъ отвратить мнѣ гибель
Отъ всей земли и отъ престола?

СХИМНИКЪ.

Гибель?
Какую гибель?

ІОАННЪ.

Развѣ ты не знаешь?

СХИМНИКЪ.

Не знаю, сынъ мой. Вѣсти до меня
Не доходили.

ІОАННЪ.

Отче, за грѣхи

Господь меня караетъ. Королю
Онъ одолѣнье надо мной послалъ —
Ливонію воюютъ шведы — ханъ
Идетъ съ ордою на Москву — ногаи
И черемисы бунтомъ встаютъ —
Что дѣлать мнѣ?

СХИМНИКЪ.

Великія-жъ съ тѣхъ поръ

Настали перемѣны! Ты въ то время
Врагамъ былъ грозень. Ты стоялъ высоко,
Никто не смѣлъ подняться на тебя;
Мы-жъ знаменье не разъ воспоминали,
Которымъ, при рожденіи твоёмъ,
Свидѣтелями были: въ самый часъ,
Какъ ты рождался, громъ ударилъ въ небѣ,
Весь день гремѣлъ при солнечномъ сіяньи,
И было такъ по всей Руси; и много
Отшельниковъ пришло изъ разныхъ странъ
Предвозвѣстить тебѣ твое величье
И колыбель твою благословить.

ІОАННЪ.

Такъ, мой отецъ. И милостивъ былъ долго
Ко мнѣ Господь; но нынѣ отъ меня
Свою десницу отнялъ Онъ. Престоль мой
Шатается; враги со всѣхъ сторонъ
Меня тѣснятъ!

СХИМНИКЪ.

Пошли на встрѣчу имъ

Твоихъ вождей. Довольно у тебя
Есть воеводъ. Они тебѣ привыкли

Языцей покорять.

ІОАННЪ.

Святой отецъ,
Вождей тѣхъ нѣтъ, которыхъ ты знавалъ!

СХИМНИКЪ.

Ни одного? А гдѣ-жь Горбатый-Шуйскій,
Князь Александръ Борисовичъ, который
Разбилъ на Волгѣ князя Япанчу?

ІОАННЪ.

Онъ измѣнилъ мнѣ — и казненъ.

СХИМНИКЪ.

Горбатый?
Онъ вѣрный былъ тебѣ слуга. А гдѣ
Князь Рязанскій, тотъ, что столько славныхъ
Побѣдъ надъ ханомъ одержалъ?

ІОАННЪ.

Казненъ.

СХИМНИКЪ.

А Ѳедоровъ, конюшій твой, который
Въ землѣ рязанской сокрушилъ орду
И полонилъ царевича Мамаю?

ІОАННЪ.

Онъ мной убитъ за то, что захотѣлъ
Похитить у меня престоль мой.

СХИМНИКЪ.

Царь,
Въ твоихъ рѣчахъ я истины не слышу!

Всѣ тѣ мужи тебѣ служили вѣрно —
Я зналъ ихъ всѣхъ. Но у тебя остался
Бояринъ князь Михайло Воротынскій?
Когда Казань мы брали, первый онъ
Крестъ водрузилъ на вражіей стѣнѣ;
Врагамъ онъ вѣдомъ!

ІОАННЪ.

Онъ на пытки умеръ.

СХИМНИКЪ.

Князь Воротынскій! — Царь! — А гдѣ-же Пронскій
Князь Турунтай, который въ славной битвѣ
Подъ Полоцкомъ Литву разбилъ?

ІОАННЪ.

Утопленъ.

СХИМНИКЪ.

Да будетъ милостивъ къ тебѣ Господь!...
Но Курбскій, князь Андрей Михайлычъ, твой
Сподвижникъ добрый въ славный день Казанскій?

ІОАННЪ.

Не спрашивай о немъ! Меня онъ бросилъ —
Мнѣ измѣнилъ — и ко врагамъ моимъ
Ушелъ въ Литву.

СХИМНИКЪ.

Въ былое время, помню,

Тебя любили; отъ тебя никто
Не уходилъ; изъ дальнихъ странъ стекались
Тебѣ служить. Но гдѣ-жъ князя Щербатый,
Щенятевъ? Оболенскій?

ІОАННЪ.
Мой отецъ,
Не называй ихъ — ихъ ужъ нѣтъ.

СХИМНИКЪ.
А Кашинъ?
А Бутурлинъ? Серебряный? Морозовъ?

ІОАННЪ.
Всѣ казнены.

СХИМНИКЪ.
Какъ? Всѣ до одного?

ІОАННЪ.
Всѣ, отче — всѣ.

СХИМНИКЪ.
Всѣхъ погубилъ ты?

ІОАННЪ.
Всѣхъ.
(Молчаніе).
Я каялся, отецъ мой. Мнѣ недолго
Осталось жить — я долженъ умереть —
И срокъ ужъ мнѣ назначень.

СХИМНИКЪ.
Кто тебѣ
Назначилъ срокъ?

ІОАННЪ.
Не спрашивай, отецъ мой —
Не спрашивай — но вразуми меня
Какъ царство мнѣ спасти?

СХИМНИКЪ.

Когда-бъ ты не былъ

И слабъ и хворъ, я бы сказалъ тебѣ:
Встань, государь! И за святое дѣло
Самъ поведи на брань свои полки!
Но ты согбенъ недугомъ — я въ тебѣ
Не узнаю воителя Казани,
И долженъ ты другому воеводство
Свое вручить, такому, чье бы имя
Одушевило Русь. Твой сынъ Иванъ
Теперь быть долженъ возмужалый воинъ —
Пошли его.

ЮАННЪ (быстро вставая).

Монахъ! Ты для того ли
Его назвалъ, чтобъ издѣваться мнѣ?
Ты смѣлъ назвать Ивана? Я тебѣ
Велю языкъ твой вырвать!

СХИМНИКЪ.

Царь, твой гнѣвъъ

Нестрашенъ мнѣ, хотя и непонятенъ.
Уже давно я смерти жду, мой сынъ!

ЮАННЪ (садясь).

Прости меня! Прости, отецъ святой!
Но неужель ты ничего не слышалъ?
Ужель въ твою обитель никакая
Вѣсть не проникла?

СХИМНИКЪ.

Дверь въ мою обитель
До дня сего задѣлана была,
И проникалъ въ глухое подземелье
Лишь дальній гулъ Господней непогоды

Да слабый звонъ святыхъ колоколовъ.

ІОАННЪ.

Отецъ мой — я исполнить не могу
Совѣта твоего — мой сынъ Иванъ —
Преставился!

СХИМНИКЪ.

Кто жъ твой наслѣдникъ нынѣ?

ІОАННЪ.

Второй мой сынъ, Θεодоръ; но и тѣломъ
И духомъ слабъ онъ. Нечего и думать
Ждать отъ него пособія, иль дѣла!

СХИМНИКЪ.

Тогда — у Бога помощи проси!

ІОАННЪ.

И никакого наставленья болѣ
Ты мнѣ не дашь?

СХИМНИКЪ.

Царь, прикажи меня
Отвѣсть обратно въ келію мою.

ІОАННЪ (вставая).

Святой отецъ, молися за меня!

СХИМНИКЪ.

Всемиловитый Богъ да ниспошлетъ
Миръ совѣсти твоей!

ІОАННЪ (провождаетъ схимника и отворивъ дверь,
говоритъ):
Святаго старца
Отвесьте опять въ его обитель! Вы же
Всѣ можете войти!
(Феодоръ и бояре входятъ).

ІОАННЪ (садится и говоритъ, помолчавъ).
Мстиславскій! Бѣльскій!
Захарьинъ! Годуновъ! Цалуйте крестъ,
Что будете Феодору служить
До смерти и до крови! — Ты жъ, Феодоръ,
Имъ четверымъ довѣрься. Ничего
Не начинай безъ ихъ совѣта. Если жъ
Господь дозволитъ, чтобы князь Иванъ
Петровичъ Шуйскій уцѣлѣлъ во Псковѣ,
Онъ будетъ пятый. Имъ я завѣщаю
Съ тобою вмѣстѣ, Русью управлять!
(Подаетъ имъ свой нагрудный крестъ).
Цалуйте крестъ!

МСТИСЛАВСКІЙ, ЗАХАРЪИНЪ, БѢЛЬСКІЙ И
ГОДУНОВЪ.
(Прикладываясь ко кресту).
Цалуемъ, государь!

ІОАННЪ.
Пословъ въ Литву отправить сею-жъ ночью
И добрый миръ, во что бы то ни стало,
Хотя на срокъ съ Батуромъ учинить.
«Челомъ-де бью возлюбленному брату
«Стефану королю» — и полный титулъ
Весь прописать его, въ концѣ-жъ назвать
Владѣтелемъ ливонскимъ — такъ онъ хочетъ —
«Землею де ливонской бью челомъ»

«Возлюбленному брату, и прошу
«Оставить мнѣ одинъ лишь городъ Юрьевъ,
«А достальное будетъ все его!»
Ему же уступаю города:
Велижъ, Усвятъ, Озерище и Полоцкъ,
Изборскъ, Себежъ, Холмъ, Заволчье, Островъ,
Гдовъ, Невель, Луки, Красный и другіе
Всѣ города имъ взятые у насъ!

(Ропоть между боярами).

ЗАХАРЪИНЪ.

Помилуй государь! Такое стыдно
Намъ заключать условье!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Государь!

Вели намъ всѣмъ идти на бой съ Батуромъ,
Лишь не вели срамиться намъ!

БѢЛЬСКІЙ.

Дозволь,

Великій царь, мы все имѣнье наше
Пожертвуемъ!

ВСѢ БОЯРЕ (говорятъ наперерывъ.)

Всѣ ляжемъ за тебя!

Все продадимъ! Заложимъ земли наши!
До смерти постоимъ! Прольемъ до капли
Всю нашу кровь! Умремъ до одного!
Лишь нашихъ русскихъ, кровныхъ городовъ
Не прикажи намъ отдавать!

ІОАННЪ.

Молчите!

Я развѣ радъ тому? — Нельзя иначе!

Забыли вы, что ханъ ужъ подъ Москвой?
Что черемисы поднялись? Что шведы
Грозятъ идти на Новгородъ?

ЗАХАРЪИНЪ.

Но, царь,
Псковъ нашъ еще! Доколѣ онъ не сдастся,
Батуръ не можетъ тыломъ стать къ нему!
Онъ далѣ не пойдетъ! Въ его полкахъ
Мятежъ и моръ, безденежье и голодъ —
Пожди еще — пожди и скоро онъ,
Осаду снявъ, уйдетъ и всѣ свои
Завоеванья намъ отдастъ!

ІОАННЪ.

Нельзя!

Нельзя мнѣ ждать! Кровавая звѣзда
Меня зоветъ! Отъ Федора же болѣ
Еще Батуръ потребуеть! Нельзя!

БѢЛЬСКІЙ.

Но, государь, ты слышишь: бунтъ и голодъ
И моръ въ ихъ войскѣ! Неужель теперь,
Теперь — когда напоромъ дружнымъ можно
Ихъ разгромить — мы имъ уступимъ столько
Владѣній русскихъ?

ІОАННЪ.

Намъ не побѣдить!

Забыли вы, что не ему, а мнѣ
Вонъ та звѣзда погибель предвѣщаетъ?

ЗАХАРЪИНЪ.

Царь-государь! Когда-бъ и въ самомъ дѣлѣ
Ты самъ погибъ — зачѣмъ же хочешь ты

И Русь еще губить съ собой?

МСТИСЛАВСКІЙ.

Зачѣмъ

Унизить хочешь нашу честь!

ІОАННЪ (гордо).

Когда,

Мои грѣхи предъ смертью искупая,
Я унижаюсь — я, владыко вашъ —
Тогда не вамъ о вашей чести думать!
Ни слова болѣ! — Шуйскій! ты къ разсвѣту
Мнѣ гранату къ Батуру изобразишь,
А Пушкину съ товарищи велишь,
Чтобы, чѣмъ свѣтъ, они сбিরались ѣхать;
Чтобы они въ своихъ переговорахъ
Вели себя смиренно, кротко, тихо,
Чтобы сносили брань и оскорбленья
Безропотно — чтобъ все сносили — все!

БОЯРЕ.

Нѣтъ, государь! Нѣтъ! Этого нельзя!
Ты въ нашихъ головахъ, въ имѣньѣ нашемъ,
Во всемъ воленъ! Но въ нашей земской чести
Ты не воленъ! Нѣтъ, государь! Такого
Никто наказа не подпишетъ!

ІОАННЪ (вставая).

Такъ-то

Присягу бережете вы свою?
Такъ помните Писанье? Въ оный день,
Когда хотѣлъ съ престола я сойти,
Зачѣмъ меня соборомъ вы молили
Остаться на престолѣ? Иль въ тотъ день
Я власть отъ васъ условную пріялъ?

Иль я не тотъ же царь, который вамъ
Отъ Бога данъ и вами жъ избранъ снова?
Иль есть у васъ иной отвѣтъ, какъ только
Повиноваться мнѣ? Или, быть можетъ,
Такъ мало дней осталось мнѣ жить,
Что ужъ не стоитъ мнѣ повиноваться?
Клятвопреступники! Мой срокъ не минулъ!
Я царь еще! Кто смѣетъ говорить,
Что я не царь? Ницъ! Въ прахъ передо мною!
Я вашъ владыко!....

(Шатается).

ГОДУНОВЪ (подхватывая его).
Государю дурно!

Позвать врачей!

ЮАННЪ (поддерживаемый Годуновымъ).
Подъ страшной смертной казнью,
Пословъ, немедля, снарядить! Велѣть имъ,
Чтобъ все сносили — все терпѣли — все —
Хотя-бъ побои!

(Бояре удаляются).

Боже всемогущій!

Ты своего помазанника видишь —
Достаточно-ль униженъ онъ теперь.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Домъ Годунова. Годуновъ и жена его провожаютъ съ поклонами царевича Ѳедора.

ГОДУНОВЪ.

Прости-жъ, царевичъ! Много благодарны
Тебѣ за честь! Да не кручинься болѣ!
Ты видишь — вотъ Кириллинъ день насталь,
Бѣды-жъ съ собою не принесъ: напротивъ,
Сегодня стало государю легче
И добрыя все вѣсти къ намъ пришли:
Царевъ гонецъ успѣлъ его посольство
Вернуть назадъ; разливъ мѣшаетъ хану
Прейти Оку; а что король со Пскова
Осаду снялъ, та вѣсть еще и прежде
Оправила царя! Пожди немного,
И скоро здравъ онъ будетъ.

МАРІЯ ГОДУНОВА.

Государь,
Куда-жъ спѣшишь ты? Я вѣдь и закуской
Поподчивать тебя-то не успѣла!

ѲЕОДОРЪ.

Уволь, невѣстушка! Хотя и легче
Сегодня стало батюшкѣ царю,
А все на сердцѣ какъ-то неспокойно.
Вся на тебя моя надежда, шуринъ;
Не отрекись отъ слова своего;
Когда бы что, не дай Господь, случилось,
Я буду какъ въ лѣсу! Тогда ужъ ты мнѣ
Указывай что дѣлать!

ГОДУНОВЪ.

Я, царевичъ,

Тебѣ слуга, и вѣрный твой холопъ;
Но еслибъ что случилось, посмотри:
Мнѣ не дадутъ тебѣ служить; всѣ будутъ
Меня чернить!

ӨЕДОРЪ.

Я не повѣрю имъ!

Отецъ тебя мнѣ слушаться велѣлъ,
И на тебя во всемъ я положуся.
Прости-жь, Борисъ! Прости же, дорогая
Невѣстушка! Прошу не провожать!
(Уходитъ, сопровождаемый Годуновымъ).

МАРІЯ (одна).

О Господи! Когда бы этотъ день
Скорѣй прошелъ! Что мужъ ни говори,
А самъ онъ неспокоенъ. Мнѣ жъ всю ночь
Камень драгоцѣнное все снилось
И крупный жемчугъ — и руками царь
Все рылся въ немъ, и яхонты, люблюсь,
Пересыпалъ. Къ бѣдѣ, а не къ добру
Такіе сны!

(Задумывается).

ГОДУНОВЪ (возвращается и смотритъ на нее).

Марія, что съ тобою?

МАРІЯ.

Прости меня. Мнѣ страшенъ этотъ день!
Ворожеи...

ГОДУНОВЪ.

Ворожеи, солгали:

Царь сталъ бодрѣй. Я видѣлъ самъ его.

МАРІЯ.

Однако, еслибъ — еслибъ не солгали
Ворожеи?

ГОДУНОВЪ (понижая голосъ).

Когда бы то случилось —
Скажи, Марія — мы теперь одни —
Ужели бъ ты?...

МАРІЯ.

Нѣтъ, господинъ мой, нѣтъ!
Не за него, а за тебя мнѣ страшно!

ГОДУНОВЪ.

Какъ? За меня?

МАРІЯ.

Не говорилъ ли Федоръ,
Что если что случится, онъ не знаетъ
Какъ быть ему? Что долженъ будешь ты
Ему во всемъ указывать? Борисъ!
Что, если вдругъ сегодня на тебя
Падеть вся тягость государства? Если
За мятежи, за голодъ, за войну,
За все, за все передъ землею будешь
Ты отвѣчать?

ГОДУНОВЪ.

Когда бы въ самомъ дѣлѣ
Случилось то, чего боишься ты,
Не слабою рукою бъ я тогда
Пріялъ бразды! Не власти я страшуся.
Я чувствую въ себѣ довольно силы

Русь поддержать въ годину тяжкихъ бѣдъ!
Нѣтъ, я страшусь, что выпадетъ на долго
Не полная мнѣ власть. Правитель царства,
Каковъ ни будь, онъ тѣнь лишь государя;
Онъ съ завистью другихъ бороться долженъ,
И мысль свою не можетъ воплотить,
Завѣтную, всецѣльно, безъ ущерба,
Какъ могъ бы я, когда бы не въ подданствѣ,
А на престолѣ былъ рождень!

МАРІЯ.

О, будемъ

Мы Господа благодарить за то,
Что не высоко рождены. Ужасень
Отвѣтъ царей!

ГОДУНОВЪ.

А этого царя

Отвѣтъ еще ужаснѣй будетъ. Но
Напрасно ты треножишься. Недугъ
Его прошелъ, и много лѣтъ, быть можетъ,
Еще пройдетъ, пока ему прійдется
Свой дать отвѣтъ.

МАРІЯ.

Ты покоенъ самъ!

ГОДУНОВЪ.

Спокоенъ я — все къ лучшему — солгали
Ворожеи. Поди къ себѣ, Марія,
Оставь меня; мнѣ дѣло есть.

(Марія уходитъ. Годуновъ отворяетъ боковую дверь и впускаетъ двухъ скованныхъ волхвовъ. Потомъ садится и смотритъ на нихъ, молча).

ГОДУНОВЪ (значительно).

Сегодня

Кириллинъ день, осьмнадцатое марта!

1-Й ВОЛХВЪ.

Такъ, государь.

ГОДУНОВЪ.

Царю сегодня лучше.

2-Й ВОЛХВЪ.

Спаси его Господь.

ГОДУНОВЪ.

Вы, стало быть,

Ошиблися, когда ему сегодня

Кончину предсказали?

1-Й ВОЛХВЪ.

Что мы въ звѣздахъ

Прочли, то и сказали.

ГОДУНОВЪ.

Отчего же

Такъ скоро спалъ съ него недугъ?

1-Й ВОЛХВЪ.

Не знаемъ;

Но дологъ день, и солнце не зашло.

(Молчаніе).

ГОДУНОВЪ.

А обо мнѣ, какъ я вамъ указалъ,

Гадали вы?

1-Й ВОЛХВЪ (озираясь).
Гадали, государь.

ГОДУНОВЪ.
Вы можете здѣсь говорить открыто —
Насъ не услышатъ. Чтó узнали вы?

1-Й ВОЛХВЪ.
Сплетаются созвѣздія твои
Съ созвѣздіями вѣнчанныхъ государей,
Но три звезды покамѣсть затмѣвають
Величіе твое. Одна изъ нихъ
Угаснетъ скоро.

ГОДУНОВЪ.
Говори яснѣе!

1-Й ВОЛХВЪ.
Чѣмъ далѣ путь твой стелется, тѣмъ шире,
Тѣмъ ярче онъ.

ГОДУНОВЪ.
Куда онъ приведетъ?

2-Й ВОЛХВЪ.
Чего давно душа твоя желала,
Въ чемъ самъ себѣ признаться ты не смѣлъ —
То сбудется.

ГОДУНОВЪ.
Волхвы! Скажите прямо,
Что ожидаетъ въ будущемъ меня?

ОБА ВОЛХВА (становятся на колѣни).
Когда на царскій сядешь ты престоль,

Своихъ холопей помяни, бояринъ!

ГОДУНОВЪ (вставая).

Въ умѣ ли вы!

1-Й ВОЛХВЪ.

Такъ выпало гаданье.

ГОДУНОВЪ.

Тсъ! Тише! Тише! Стѣны насъ услышатъ!

(Подходитъ къ дверямъ, осматриваетъ ихъ и
останавливается передъ волхвами).

Кудесники! Когда бъ я могъ подумать,
Что вы теперь морочите меня,
Для васъ на свѣтъ бы лучше не родиться!

1-Й ВОЛХВЪ.

Мы говоримъ, что видимъ. Мы читали
Въ небесныхъ знакахъ; прочіе жъ на кровь
И дымъ гадали, и во мглѣ туманной
Всѣ на престолѣ видѣли тебя
Въ вѣнцѣ и въ царскихъ бармахъ...

ГОДУНОВЪ.

Тише, тише!

Когда случится то, что вы сказали?

1-Й ВОЛХВЪ.

Когда — не знаемъ.

ГОДУНОВЪ.

Много ли мнѣ лѣтъ

Царить прійдется?

2-Й ВОЛХВЪ.

Твоего цареня

Семь только будетъ лѣтъ.

ГОДУНОВЪ.

Хотя-бъ семь дней!

Но чѣмъ достигну я верховной власти?

1-Й ВОЛХВЪ.

Не вѣдаемъ.

ГОДУНОВЪ.

Кого бояться мнѣ?

2-Й ВОЛХВЪ.

Не спрашивай.

ГОДУНОВЪ.

Я знать хочу, кто главный

Противникъ мой?

1-Й ВОЛХВЪ.

Темны его примѣты.

ГОДУНОВЪ.

Скажите ихъ

1-Й ВОЛХВЪ.

Онъ слабъ, но онъ могучъ.

2-Й ВОЛХВЪ.

Самъ и не самъ.

1-Й ВОЛХВЪ.

Безвиненъ передъ всѣми.

2-Й ВОЛХВЪ.

Врагъ всей землѣ и многихъ бѣдъ причина.

1-Й ВОЛХВЪ.

Убить, но живъ.

ГОДУНОВЪ.

Нѣтъ смысла въ сихъ словахъ!

1-Й ВОЛХВЪ.

Такъ выпало гаданье. Болѣ знать
Намъ не дано.

ГОДУНОВЪ.

Съ меня пока довольно.

Въ темницу васъ обратно отведутъ;
Я жъ во-время васъ выпустить велю
И награжу по-царски. Но смотрите!
Приказываю вамъ подъ смертной казнью
Самимъ забыть, что вы сказали мнѣ!
(Отворяетъ дверь, волхвы уходятъ).

ГОДУНОВЪ (одинъ).

«Чего давно душа моя желала,
Въ чемъ самъ себѣ признаться я не смѣлъ!»
Да, это такъ! Теперь я вижу ясно
Какая цѣль свѣтила мнѣ всегда!
Теперь впередъ, впередъ идти мнѣ надо
И прорицанье ихъ осуществить.
Насъ не судьба возносить надъ толпою,
Она лишь случай въ руки намъ даетъ —
И сильный мужъ не ожидаетъ праздно,
Чтобъ чудо кверху подняло его.
Судьбѣ помочь онъ долженъ. Случай есть —
И дѣйствовать приходитъ мнѣ пора!

(Топаеть ногой. Входитъ дворецкій).

Позвать сюда котораго нибудь
Изъ государевыхъ врачей!

(Дворецкій уходитъ).

Семь лѣтъ!

Семь только лѣтъ! И вѣдать не дано мнѣ,
Далекъ тотъ день, иль близокъ? Между тѣмъ
Часы бѣгутъ. Безумьемъ Іоанна
Все рушится — и для моей держаны
Готовятся развалины однѣ.
«Но солнце не зашло еще!» сказали
Сейчасъ волхвы... Кто знаетъ? Можетъ быть!...
Умри сегодня этотъ звѣрь, сегодня жъ
Мой слабодушный деверь власть свою
Мнѣ передастъ — я буду господиномъ!...

Но то-ли мнѣ волхвы сулили? Нѣтъ!

Они въ вѣнцѣ и въ бармахъ, на престолѣ,
Въ вѣнцѣ и въ бармахъ видѣли меня!
Они сказали: «Три звѣздн покамѣсть
Мое величье затмѣвають — три!»
Одна изъ нихъ — то Іоаннъ, другая —
Царевичъ Ѳедоръ, третья — кто жъ иной,
Какъ не Димитрій? Тотъ противникъ сильный,
Котораго бояться долженъ я,
Кому жъ и быть ему какъ не младенцу
Димитрію? Онъ, онъ преграда мнѣ!
«Слабъ, но могучъ — безвиненъ, но виновенъ —
«Самъ и не самъ» — оно какъ разъ подходитъ
Къ Димитрію! Но что могло-бы значить:
«Убить, но живъ?» Какъ дико мнѣ звучить
Зловѣщее, загадочное слово:
«Убить, но живъ!» Кѣмъ будетъ онъ убитъ!
Не можетъ быть! А еслибъ кто и вправду
Рѣшилъ руку на него поднять,
То какъ ему, убитому, воскреснуть?

Я словно въ бездну темную гляжу,
Рябитъ въ глазахъ и путаются мысли...
Довольно! прочь бесплодныя догадки!
Живъ, иль убить — судьба его въ грядущемъ,
Мнѣ жъ дорогъ нынѣ настоящій мигъ!
(Входитъ дворецкій).

ДВОРЕЦКІЙ.

Къ тебѣ пришелъ, бояринъ, царскій дохтуръ.

ГОДУНОВЪ.

Пускай войдетъ!

(Входитъ Якоби).

Романъ Еліазарычъ,

Я за тобой послалъ, чтобъ ты подробно
Повѣдалъ мнѣ, на сколько государю
Сегодня легче? Можно ль уповать,
Что миновалась для него опасность?

ЯКОБИ.

Его болѣзнь, бояринъ, многосложна:
Не плоть одна страдаетъ — болѣнъ духъ.
Отъ юности привыкшій, чтобы все
Передъ его державной гнулось волей,
Послѣдняго не могъ онъ униженья
Перенести. Но добрыя его
Оправили и ободрили вѣсти.
И будетъ здравъ онъ, если намъ удастся
Отъ раздраженій охранить его.

ГОДУНОВЪ.

А если бы, не дай Богъ, чѣмъ нибудь
Онъ раздражился?

ЯКОБИ.

Мы бы не могли

Тогда отвѣтить ни за что. Сосуды,
Которые проводятъ кровь отъ сердца
И снова къ сердцу, такъ напряжены,
Что можетъ ихъ малѣйшее волненье
Вдругъ разорвать.

ГОДУНОВЪ.

Но чѣмъ же помѣшать намъ,
Чтобъ какъ нибудь не опалился онъ?

ЯКОБИ.

Всѣ случаи волненья и досады,
Во что бъ ни стало, надо удалить.
Пусть только то и видитъ онъ и слышитъ,
Что развлекать его способно.

ГОДУНОВЪ.

Какъ

Оставилъ ты его?

ЯКОБИ.

Онъ послѣ ванны

Прилежъ заснуть, но ключнику велѣлъ,
Чтобы межъ тѣмъ въ сосѣдную палату
Сокровища изъ главной кладовой
Перенесли, дабы, по пробужденьи,
Осматривать ихъ могъ онъ. Близъ него
Остался мой товарищъ, Ричардъ Эльмсъ.

ГОДУНОВЪ.

Вы трудное условье положили
Для исцѣленья царскаго недуга —
Вы знаете царя!

ЯКОБИ.

Бояринъ Бѣльскій,
Чтобъ отъ заботъ и дѣлъ его отвлечь,
Собралъ толпу шутовъ и скомороховъ.
Мысль недурна. Пусть въ играхъ этотъ день
Пройдетъ, и въ смѣхѣ.

ГОДУНОВЪ (встаетъ).

Мы стараться будемъ
Исполнить наставленія твои.

ЯКОБИ.

Прости, бояринъ.

(Уходитъ).

(Годуновъ топаетъ ногой. Входитъ дворецкій).

ГОДУНОВЪ.

Здѣсь ли Битяговскій?

ДВОРЕЦКІЙ.

Здѣсь, государь.

ГОДУНОВЪ.

Пошли его сюда.

(Дворецкій уходитъ и вскорѣ
впускаетъ Битяговскаго).

ГОДУНОВЪ.

Что дѣется въ народѣ?

БИТЯГОВСКІЙ.

Слава Богу.

ГОДУНОВЪ.

На Шуйскаго и Бѣльскаго они

Озлоблены ль какъ надо?

БИТЯГОВСКІЙ.

Такъ и рвутся.

ГОДУНОВЪ.

И стало быть, подымутся на нихъ,
Когда мы захотимъ?

БИТЯГОВСКІЙ.

Коли бъ не прежде.

ГОДУНОВЪ.

Ты долженъ быть готовъ передъ царемъ
Свидѣтелемъ предстать, что возмущенье
Нагіе подготовили.

БИТЯГОВСКІЙ.

Могу.

ГОДУНОВЪ.

И присягнуть, что слышалъ ты своими
Ушами, какъ холопей подсылали
Они въ народъ.

БИТЯГОВСКІЙ.

Зачѣмъ не присягнуть!

ГОДУНОВЪ.

Будь у меня сегодня подъ рукою;
Быть можетъ, ты понадобишься мнѣ;
Теперь ступай!

(Битяговскій уходитъ).

ГОДУНОВЪ (одинъ).
Я больно ошибаюсь,
Иль многое рѣшится въ этотъ день!

(Уходитъ).

Богатая палата во дворцѣ. Слуги вносятъ и разставляютъ
драгоценную утварь. За ними надзираютъ дворецкій и
ключникъ.

ДВОРЕЦКІЙ (къ слугамъ).
Живѣй! Живѣй! Кончайте поскорѣй!
Сейчасъ проснутъ государь изволитъ!

КЛЮЧНИКЪ (къ дворецкому).
Скажи, пожалуй, для чего онъ рухлядь
Сбирается смотрѣть?

ДВОРЕЦКІЙ.
Да говорятъ,
Невѣстѣ хочеть за море подарки
Отправить.

КЛЮЧНИКЪ.
Какъ? Онъ развѣ не раздумалъ
На ней жениться?

ДВОРЕЦКІЙ.
Да, раздумалъ-было,
Да вотъ сегодня, кажется, опять
За прежнее взялся. Вишь, много легче
Сегодня стало милости его!

КЛЮЧНИКЪ.
Ну, какъ онъ знаетъ! Жаль царицы Марьи
Феодоровны! Добрая царица!

ДВОРЕЦКІЙ (смотреть въ окно).
Народу-то! Народу-то! Кишмя
Такъ и кишать!

КЛЮЧНИКЪ.
Да! Ужъ который день
У теремовъ съ утра они толпятся:
Все о здоровьѣ царскомъ узнають!

ДВОРЕЦКІЙ.
Ну, слава-Богу! Видно, обманулись
Ворожеи! Кириллинъ день насталь,
А государю легче!

(Къ слугамъ).
Что? Готово?

КЛЮЧНИКЪ (смотреть въ списокъ).
Все на лицо!

ДВОРЕЦКІЙ (къ слугамъ).
Ну, съ Богомъ! Уходите!

(Слуги уходятъ).
Вишь, какъ статьи подобраны подь рядъ!
Чего тутъ нѣтъ! Каменьевъ самоцвѣтныхъ,
И золота, и шелку, и парчи!
Такъ вся палата и горить!

КЛЮЧНИКЪ.
Тсъ! Кто-то
Идетъ сюда!

ДВОРЕЦКІЙ.
Ахъ, Господи, не царь-ли?
(Входитъ Бѣльскій).

КЛЮЧНИКЪ.

Нѣтъ, это Бѣльскій.

БѢЛЬСКІЙ.

Все-ль у васъ готово?

ДВОРЕЦКІЙ.

Все, государь.

БѢЛЬСКІЙ.

Сейчасъ изволить царь

Пожаловать. Смотрите же, чтобъ онъ

Остался всѣмъ доволенъ; чтобъ ему

Отъ насъ досады въ чемъ не приключилось!

Врачи сказали: Боже сохрани

Его прогнѣвать чѣмъ нибудь сегодня!

(Слышенъ хохотъ).

Кто тамъ хохочетъ?

(Входитъ шутъ. За нимъ толпа скомороховъ въ странныхъ нарядахъ, съ гудками, волынками, сковородами и разной звонкой посудой).

ШУТЪ (къ Бѣльскому).

Дядюшка Богданъ!

Я хороводъ тебѣ привелъ! Послушай!

СКОМОРОХИ (съ пляской).

Ой жги, жги, жги!

Настежь, баба, ворота!

Тащи козла за рога!

Ой жги, жги, жги!

Пошла, баба, въ три ноги!

ШУТЪ.

Ну что? какъ нравится тебѣ?

БѢЛЬСКІЙ (осматриваетъ скомороховъ).

Изрядно!

Смотрите жъ, хари! Пятокъ не жалѣть!
Передъ царемъ вертѣться кубарями!
Теперь пока ступайте въ ту палату,
Тамъ спрячьтесь. Когда я крикну: *Люди!* —
Вбѣгайте всѣ, да эту пѣсню гряньте
Повеселѣй!

(Скоморохи проходятъ черезъ сцену въ боковую дверь).

БѢЛЬСКІЙ (къ шуту).

Ты около царя

Все время будь — гляди ему въ глаза —
И только лишь онъ брови понахмурить,
Ты шутку выкинь посмѣшнѣй!

ШУТЪ.

Да! Выкинь!

Не хочешь ли самъ выкинуть? А онъ
Тебя въ окошко выкинетъ!

(Дверь отворяется).

Вотъ онъ!

Поди, шути!

(Иоанна вносятъ на креслахъ. Онъ въ халатѣ; лицо его изнурено болѣзнью, по выражаетъ торжество. Кресла опускаютъ среди палаты и передъ ними ставятъ небольшой треугольный столъ. За Иоанномъ входятъ Годуновъ, Мстиславскій, Шуйскій и другіе бояре, кромѣ Захарына).

ЮАННЪ (сидя въ креслахъ, къ Годунову).

Нельзя еще сегодня

Намъ видѣть королевина посла.

Пусть завтра къ намъ онъ, безъ меча и корда,
Откланяться придетъ. Въ опочивальнѣ
Мы примемъ запросто его. Теперь же
Посмотримъ, что назначить намъ въ подарокъ
Сестрѣ Елисаветѣ, да ея
Племянницѣ, невѣстѣ нашей!

БѢЛЬСКІЙ.

Вотъ

Изъ Персіи, великій государь,
Узорочіе разное. Быть можетъ,
Оно пригодно королевѣ?

ІОАННЪ.

Нѣтъ,

Тряпьемъ ее не удивишь. Обычай
Ея не бабій. Писемскій намъ пишетъ
Изъ Лондона, что любитъ-де она
Въ лѣсахъ гонять оленей; любитъ также
Потѣху птичью и звѣриный бой.
Мы припасемъ подарокъ ей по вкусу.
Подайте мнѣ ту сбрую съ бирюзой,
Съ жемчужными паузами, да къ ней
Вонъ тотъ чепракъ, что яхонтами сажень!

(Іоанну подають требуемые предметы. Онъ
осматриваем ихъ и велитъ знакомъ отложить
въ сторону).

Еще пошлемъ ей двухъ живыхъ медвѣдей,
На золотыхъ цѣпяхъ; да кречетовъ
Сибирскихъ шесть. Пусть тѣшится сестрица,
Да поминаетъ насъ! Княжнѣ жъ Хастинской —
Другое дѣло! ей найдемъ нарядъ.
Подать сюда всѣ кольца и монисты!

(Іоанну подають разныя драгоцѣнности.
Онъ беретъ ихъ въ руки и осматриваетъ
одну за другою).

Вотъ это ожерелье изъ алмазовъ
И яхонтовъ лазоревыхъ съ червцами
Пошлемъ княжнѣ. Лазоревъ темный яхонтъ,
Когда взглядѣтся въ глубину его,
Покоить душу, скорби разбиваетъ;
Червецъ же вѣрность женскую блюдетъ,
Затѣмъ, что цвѣтъ его сердечной крови.
Изъ перстней же вотъ этотъ ей пошлемъ:
Онъ всѣхъ цѣннѣй: зовется камень Лалъ;
Привозится къ намъ изъ земли индѣйской,
А достается нелегко, затѣмъ,
Что страховидные тамъ звѣри, грифы,
Его стрегутъ. Отъ укушенья змѣй
Онъ исцѣляетъ. Пусть его невѣста
На пальчикъ свой надѣнетъ, намъ въ любовь!
А что до тканей, въ нихъ я не знатокъ;
О нихъ спросить царицу Марью. Бабы
На томъ собаку съѣли. Что царицѣ
Полюбится, то и послать княжнѣ!

ШУТЪ.

Царь-батюшка!

ІОАННЪ.

Чтò?

ШУТЪ.

Ты когда женишься

Собираешься?

ІОАННЪ.

Тебѣ на чтò?

ШУТЪ.

Да такъ;

(Указывая на Мих. Нагаго).

Хочу вотъ Мишкѣ службу сослужить:
Нагихъ-то время при дворѣ прошло,
Такъ я хочу вотъ этого пристроить!

(Сымаетъ свой колпакъ и ходитъ съ нимъ отъ
одного къ другому, будто прося милостыни).

ІОАННЪ.

Чтò дѣлаешь ты, шутъ?

ШУТЪ.

По ниткѣ съ міру

Сбираю, царь, Нагому на рубаху!

ІОАННЪ.

Ха-ха! Вотъ это шутъ, такъ шутъ! Не бойся,
Нагимъ не станетъ по прозванью.

(Къ Нагимъ).

Вы!

Коль будете по правдѣ мнѣ служить,
Я не оставлю васъ!

(Окидываетъ глазами сокровища).

Есть, слава-Богу,

Казны довольно у меня; могу
Пожаловать кого хочу; надолго
Еще мнѣ станеть!

(Слышны крики на площади).

Чтò за крики тамъ?

ГОДУНОВЪ.

Народъ шумитъ, великій государь,
И веселится о твоёмъ здоровьѣ!

ІОАННЪ.

Пусть веселятся! Выкатить на площадь
Имъ сотню бочекъ меду и вина!

А завтра утромъ новая потѣха
Имъ будетъ: всѣхъ волхвовъ и звѣздочетовъ,
Которые мнѣ ложно предсказали
Сегодня смерть, изжарить на кострѣ.
Борись, ступай и казнь имъ объяви,
Да приходи повѣдать мнѣ, какія
Они построятъ рожи!

(Годуновъ уходитъ).

Вишь, хотѣли

Со мной шутить! Кириллинымъ, вишь, днемъ
Хотѣли запугать! Никто не можетъ
Кончины день узнать впередъ! Никто!
Вы! Слышите ли?

ШУЙСКІЙ.

Слышимъ, государь.

ІОАННЪ.

Чтѣ-жъ вы молчите? Развѣ можетъ кто
Сказать впередъ: я проживу вотъ столько?
Иль такъ-то жизнь окончу я мою?

МСТИСЛАВСКІЙ.

Нѣтъ, государь!

ІОАННЪ.

Ну, то-то жъ! Чтѣ же вы
Молчите, а?

ШУЙСКІЙ.

Великій государь,

И день и ночь мы о твоемъ здоровьѣ
Всѣ молимъ Бога!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Исцѣли тебя

Скорѣй Господь!

ІОАННЪ.

Да развѣ я еще

Не исцѣленъ? Чтò высказать хотите?

Я развѣ боленъ? Солнце ужь заходитъ,

А я теперъ бодрѣй, чѣмъ утромъ былъ,

И проживу довольно лѣтъ, чтобъ царство

Устроить вновь! Въ мой смертный часъ, когда

Митрополитъ у моего одра

Молиться будетъ со святымъ синклитомъ,

Я имъ скажу: Не плачьте, я утѣшенъ,

Бо легкую пріиметъ сынъ державу

Изъ рукъ моихъ! Такъ отойду я къ Богу!

(Бѣльскій дѣлаетъ знакъ шуту, который
разматривалъ разныя вещи на столахъ. Шутъ
беретъ ящикъ съ шахматами и подноситъ къ
Іоанну).

ШУТЪ.

Надежа-царь! Вишь куколки какія!

ІОАННЪ (къ боярамъ).

Волхвовъ за ложь на казнь я осудилъ.

Не правъ мой судъ, по вашему?

БОЯРЕ.

Правъ, царь!

ІОАННЪ.

А коли правъ, такъ чтò-же языки

Связало вамъ?

БОЯРЕ.

Великій государь!

Помилуй насъ! Не знаемъ что сказать!

ІОАННЪ.

Не знаете? Такъ, стало, я безвинныхъ
На казнь обрекъ? Такъ, стало, не солгали
Ворожеи?

БОЯРЕ.

Солгали, государь!

Они солгали! По винѣ имъ мѹка!
За ихъ вину и казни мало имъ!

ІОАННЪ.

На силу-то! Вишь, ротъ раскрыть боятся!
Изъ нихъ слова тащить клещами надо!

(Молчанье).

Что шепчетесь вы тамъ?

ШУЙСКІЙ.

Нѣтъ, государь,

Мы не шептались!

ІОАННЪ.

Вы какъ будто ждете
Чего сегодня? А? чего вы ждете?

ШУТЬ.

Царь-солнышко! да посмотри-жь сюда
На куколки!

ІОАННЪ.

Что это у него?

БЪЛЬСКІЙ.

То шахматная, государь, игра,
Которую прислалъ тебѣ въ подарокъ
Персидскій царь.

ШУТЪ (разглядывая фигуры).
Нарядныя какая!

БЪЛЬСКІЙ (беретъ со стола доску).
Вотъ и доска къ нимъ!

ІОАННЪ.

Покажи сюда!

(Осматриваетъ шахматы).

Давно въ игру я эту не игралъ.
Садись, Богданъ, посмотримъ, кто сильнѣе!
(Слуги вносятъ свѣчи. Іоаннъ разставляетъ игру.
Бѣльскій садится противъ него на столецъ и
также разставляетъ).

ШУТЪ (къ Іоанну, указывая на шахматы).

Точь въ точь твои бояре! Знаешь чтò?
Живыхъ-то ты всѣхъ по боку, а этихъ
Всѣхъ въ думу посади. Дѣла не хуже
У нихъ пойдутъ, а вѣсть они не просятъ!

ІОАННЪ.

Ха, ха! Дуракъ не слишкомъ глупъ сегодня!
(Подвигаетъ пѣшку. Игра начинается. Всѣ
становятся полукругомъ за царскими
креслами и смотрятъ).

ШУТЪ.

Иль, вмѣсто ихъ, меня поставь въ бояре!
Я буду въ думѣ засѣдать одинъ,
И разногласья у меня не будетъ!

Не то, пошли меня, надежа-царь,
Посломъ въ Литву, поздравить короля!

ІОАННЪ.

Съ чѣмъ, шутъ?

ШУТЪ.

Да съ тѣмъ, что о псковскія стѣны
Онъ лобъ разбилъ!

ІОАННЪ.

Тебя послать не дурно;
Послалъ же онъ Гарабурду ко мнѣ
Съ своей перчаткой! Чай, теперъ идти
На Новгородъ раздумали!

ШУЙСКІЙ.

Куда имъ!

ІОАННЪ.

На сеймѣ ихномъ королю въ пособьи
Отказано! Достойно, право, смѣху!
Свои же люди своему владыкѣ
Да денегъ не даютъ?

ШУТЪ.

У насъ не такъ!
Понадобилось что — хапъ, хапъ! и есть!

БѢЛЬСКІЙ (подвигая фѣрязь).
Шахъ, государь.

ІОАННЪ (заслоняется слономъ).
Шахъ фѣрязи твоей!

ШУЙСКІЙ (къ Бѣльскому, смѣясь).
Что взялъ, бояринъ? Ферязь-то пропала!

ІОАННЪ.
Да, кажется!

БѢЛЬСКІЙ.
Какъ есть, пропала ферязь!

ІОАННЪ.
Сдается намъ, мы не совсѣмъ еще
Играть забыли! Нашъ недугъ у насъ.
Еще не вовсе отнялъ разумѣнье!
Кириллинъ день! Вишь, выдумали что!
Проклятые! Куда пропаль Борисъ?
Что онъ нейдетъ съ отвѣтомъ?
(Бѣльскій беретъ царскаго слона. Іоаннъ хочетъ
взять его ферязь царемъ и роняетъ его на полъ).

ШУТЪ (бросаясь подымать).
Ай, ай, ай!
Царь шлепнулся!

ІОАННЪ (вспыхнувъ).
Шутъ! Ври, да мѣру знай?
(Къ Бѣльскому).

Тебѣ ходить!
(Игра продолжается. Годуновъ показывается въ дверяхъ).

ГОДУНОВЪ (тихо, указывая на Іоанна одному
боярину, стоящему позади другихъ).
Каковъ онъ?

БОЯРИНЪ (тихо къ Годунову).
Больно гнѣвень!

Ужъ раза два сердиться начиналъ!
(Годуновъ подходитъ и становится напротивъ Іоанна).

ІОАННЪ (поднявъ голову).
Ты здѣсь? Ну, что? Ты видѣлъ чародѣевъ?
Каковъ ихъ былъ отвѣтъ? Зачѣмъ молчишь ты?
Что жъ ты не говоришь?

ГОДУНОВЪ.
Гм, государь!

ІОАННЪ.
Что ты такъ смотришь на меня?
(Отодвигается отъ Годунова).
Какъ смѣешь

Ты такъ смотрѣть?

ГОДУНОВЪ.
Великій государь!
Волхвы тебѣ велѣли отвѣчать,
Что ихъ наука достовѣрна.

ІОАННЪ.
Какъ?!

ГОДУНОВЪ.
Что ошибиться имъ нельзя, и что —
Кириллинъ день еще не миноваль!

ІОАННЪ (встаетъ, шатаясь).
Не миноваль? — Кириллинъ день? — Ты смѣешь —
Ты смѣешь мнѣ въ глаза — злодѣй! — Ты — ты —
Я понялъ взглядъ твой! — Ты меня убить —
Убить пришелъ! — Измѣнникъ! — Палачей! —
Феодоръ! — Сынъ! — Не вѣрь ему! — Онъ воръ! —

Не вѣрь ему — А!

(Падаеть навзничъ на полъ).

ШУЙСКІЙ (бросается къ нему и поддерживаетъ его
голову).

Боже! Онъ отходить!

БѢЛЬСКІЙ.

Позвать врачей! Скорѣй позвать врачей!

ІОАННЪ (открывъ глаза).

Духовника!

БѢЛЬСКІЙ.

Бегите за попомъ!

Скорѣй бѣгите! Люди! Люди! Гей!

(Вбѣгаютъ скоморохи съ пѣньемъ, свистомъ и пляской).

СКОМОРОХИ.

Ой жги, жги, жги!

Тащи козла за рога!

БОЯРЕ.

Чтò это? Чтò? Назадъ! Побойтесь Бога!

БѢЛЬСКІЙ (бросается на скомороховъ).

Назадъ! Назадъ! Безбожники! Назадъ!

Царь умираеть!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Дохтура зовите!

(Іоаннъ умираеть).

(Нѣкоторые бояре бросаются изъ
палаты. Скоморохи разбѣгаются.
Входятъ Эльмсъ и Якоби).

ЯКОБИ.

Гдѣ государь?

БѢЛЬСКІЙ (указываетъ на трупъ).
Вотъ онъ!

ЯКОБИ (нагибается и щупаетъ пульсъ Іоанна).
Не бьется пульсъ!

ЭЛЬМСЪ (беретъ другую руку).
Не бьется — нѣтъ!

ЯКОБИ (щупаетъ сердце).
Не бьется сердце!

ЭЛЬМСЪ.

Умеръ!

ЯКОБИ.

Окончилъ жизнь!

ГОДУНОВЪ (подходитъ и кладетъ руку на сердце
Іоанна).

Преставился!
(Отворяетъ окно и кричитъ на площадь).
Москва!

Царь Іоаннъ Васильевичъ скончался!

(Говоръ и гулъ на площади. Годуновъ
выходитъ изъ палаты. Бояре обступаютъ
Іоанна и глядятъ на него молча. Входитъ
Захарьинъ и останавливается передъ
трупомъ).

ЗАХАРЪИНЪ.

Свершилося! Такъ вотъ ты, царь Иванъ,
Предъ кѣмъ трясась такъ долго Русь! Безсиленъ,

Безпомощенъ лежишь ты, недвижимъ,
И посреди твоихъ сокровищъ бѣденъ!
Чего-же мы стоимъ и ждемъ, бояре?
Во прахѣ-ли предъ нами быть тому,
Предъ кѣмъ полвѣка мы лежали въ прахѣ?
Иль страшно вамъ коснуться до него?
Не бойтеся! Ужъ не откроетъ онъ
Своихъ очей! Ужъ остраго жезла
Не схватить длань безсильная, и казни
Не изрекутъ холодныя уста!

(Они поднимаютъ Иоанна, кладутъ его на скамью, дѣлаютъ ему изголовье и покрываютъ его парчею. Вбѣгаютъ Ѳедоръ, царица и царевна Ирина).

ѲЕДОРЪ (бросаясь къ трупу).
Царь-батюшка!

ЦАРИЦА.
О, Господи помилуй!

ИРИНА.
О, Господи!
(Всѣ трое голосятъ и рыдаютъ. Крики на площади усиливаются. Входитъ стрѣдецкий голова).

ГОЛОВА (къ Ѳедору).
Великій государь!
Народъ бунтуетъ! Лѣзутъ на крыльцо!

ѲЕДОРЪ (съ испугомъ).
Что надо имъ?

ГОЛОВА.
Кричатъ, что Шуйскій съ Бѣльскимъ

Отравой государя извели!

(Вбѣгаетъ стрѣлецкій сотникъ).

СОТНИКЪ.

Народъ царь-пушкой овладѣлъ! Хотятъ
Разбить дворецъ!

БѢЛЬСКІЙ (къ Ѳедору).

Вели по нимъ стрѣлять!

ѲЕДОРЪ.

Гдѣ шурина мой? Борисъ! Борисъ! Что дѣлать?
(Входитъ Годуновъ).

ГОДУНОВЪ (торжественно къ Ѳедору, опускаясь на
колѣни).

Великій царь!

ѲЕДОРЪ (бросается къ нему).

А, вотъ ты наконецъ!

(Крики на площади, между
которыми слышны имена
Шуйскаго и Бѣльскаго).

ШУЙСКІЙ (къ Ѳедору).

Рѣшайся, государь!

ѲЕДОРЪ (указывая на Годунова).

Вотъ тотъ, кто долженъ

Теперь рѣшать! Ему препоручаю
Отнынѣ власть мою!

ГОДУНОВЪ (поклонившись Ѳедору, подходитъ къ
окну).

Народъ московскій!

Федоръ Іоаннычъ, Божьей волей
Великій князь и царь всея Руси,
Вамъ повѣстить велѣлъ, что отъ недуга
Скончался царь Иванъ. Въ его же смерти
Виновныхъ нѣтъ. Но Шуйскій съ Бѣльскимъ долго
Тѣснили васъ; что вѣдая, царь Федоръ
Ссылаетъ ихъ далеко отъ Москвы!
(Гуль на площади).

ШУЙСКІЙ.

Борисъ Феодорычъ! Помилуй! что ты?

БѢЛЬСКІЙ.

За что насъ въ ссылку?

ГОДУНОВЪ.

Вы вольны остаться —
Хотите ль выйти на крыльцо?

ЩУЙСКІЙ.

Помилуй!

Насъ разорвутъ!

БѢЛЬСКІЙ.

Насъ разорвутъ на клочья!

ГОДУНОВЪ.

Я думаю.

(Къ стрѣльцкому головѣ).

За крѣпкимъ карауломъ.

Бояръ отправить изъ Москвы. Въ Покровѣ

Васъ извѣстятъ, куда ихъ отвезти.

(Шуйскаго и Бѣльскаго окружаютъ стрѣльцы).

ЗАХАРЪИНЪ (къ Годунову).
Ты скоръ бояринъ. Мы еще не знаемъ,
Кто поднялъ бунтъ?

ГОДУНОВЪ.
Нагіе со Мстиславскимъ.
(Указывая на Битяговскаго, который
входитъ въ приличномъ видѣ и въ
добромъ платьѣ).
Вотъ кто на нихъ свидѣтелемъ стоитъ!

НАГІЕ И МСТИСЛАВСКІЙ.
Какъ? Онъ?

БИТЯГОВСКІЙ (нагло).
Да, я!

ГОДУНОВЪ (ко Мстиславскому).
Князь, ты достоинъ смерти,
Но царь тебя лишь въ монастырь ссылаетъ.
(Къ Нагимъ).

А васъ обоихъ, изъ любви къ царицѣ
Прощаетъ онъ, и въ Угличъ вамъ велитъ
Отправиться съ царевичемъ и съ нею.
(Къ царицѣ, указывая на Битяговскаго).
Васъ всѣхъ блюсти вотъ этотъ наряжень!

ЦАРИЦА (къ Θεодору).
Не вѣрь ему! Не вѣрь ему, Θεодоръ!
Не отсылай насъ, царь!

ΘЕДОРЪ (къ Годунову).
Нельзя-ли, шуринъ,
Царицѣ здѣсь остаться?

ГОДУНОВЪ.

Государь,

Тамъ лучше ей.

ЗАХАРЬИНЪ.

Бояринъ Годуновъ!

Я вижу ты распорядиться мастеръ!

Всѣмъ мѣсто ты нашелъ — лишь одного

Меня забылъ ты! Говори, куда

Идти я долженъ? Въ ссылку? Въ монастырь?

Въ тюрьму? Или на плаху?

ГОДУНОВЪ.

Мой отецъ,

Тебя царь проситъ оставаться съ нимъ.

ЦАРИЦА (къ Захарину).

Спаси меня! Спаси меня, бояринъ!

Пропали мы!

ЗАХАРЬИНЪ.

Дай Господи, царица,

Чтобы не все пропало! Злое сѣмя

Посѣялъ ты, бояринъ Годуновъ!

Не доброй жатвы отъ него я чаю!

(Обращаясь къ трупу Юанна).

О, царь Иванъ! Прости тебя Господь!

Прости насъ всѣхъ! вотъ самовластья кара!

Вотъ распаденья нашего исходъ!

ӨЕДОРЪ (къ царицѣ со слезами).

Не плачь царица-матушка! Что-жъ дѣлать!

Такъ, видно, надобно!

ГОДУНОВЪ (подходить къ окну).

Народъ московскій!

Великій царь Ѳеодоръ Іоаннычъ
Прощаетъ васъ! Ступайте всѣ молиться
За упокой души царя Ивана,
А завтра утромъ будетъ вамъ раздача
По всей Москвѣ и хлѣба и вина!

КРИКИ НА ПЛОЩАДИ.

Да здравствуетъ царь Ѳедоръ Іоаннычъ!

Да здравствуетъ бояринъ Годуновъ!

(Ѳедоръ бросается, рыдая, на шею Годунову.

Они стоятъ, обнявши другъ друга).

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Издание данной книги осуществляется при поддержке Благотворительного фонда восстановления церкви Святой Живоначальной Троицы съ часовней въ Язвищахъ (<https://xgam-v-yazvichax.ru>), занимающагося реставраціей храма, расположеннаго въ селѣ Язвищи Боровенковскаго сельскаго поселенія Окуловскаго района Новгородской области.

Данный топонимъ образованъ отъ слова «язвина», однимъ изъ значеній котораго въ старославянскомъ языкѣ является слово «нора». Недалеко отъ села протекаетъ рѣка Язовка, изрытая лисьими норами, давшая ему наименованіе.

Одно изъ первыхъ упоминаній о селѣ можно встрѣтить въ Переписной оброчной книгѣ Деревской пятины отъ 1495 года. Уже тогда тамъ проживали десятки человѣкъ.

Шли вѣка... Смѣнялись поколѣнія... Въ началѣ XX вѣка въ Язвищахъ проживали около 40 человѣкъ, что, можетъ быть, и немного, т. к. это была церковная земля, зато въ близлежащихъ деревняхъ – около 700 человѣкъ.

Жили люди, перестраивались и церкви, постоянно находившіяся въ селѣ. Такъ, въ 1891 году на мѣстѣ старой деревянной церкви былъ выстроень каменный храмъ Святой Живоначальной Троицы, возлѣ котораго расположилась богадѣльня, другія постройки. Рядомъ проживали и священнослужители.

Но прошло чуть менѣе трехъ десятилѣтій, и храмъ сталъ не нуженъ. Окончательно онъ закрылся въ 1937 году. Потихонечку исчезали люди. Война, лагеря, очень многіе разѣхались въ города... Умерло и село Язвищи, которое было снято съ регистраціи въ 1977 году. Вмѣстѣ съ нимъ

умерли еще десятки подобныхъ сель и деревень.

Сейчасъ въ близлежащихъ къ храму деревняхъ вмѣсто семисотъ человекъ, о чемъ сказано выше, проживаетъ около тридцати. Лишь лѣтомъ съѣзжаются дачники и мѣстность какъ-то оживаетъ.

Въ Язвицахъ остался только одинъ домъ, въ которомъ проживали священнослужители, да и тотъ давно непригоденъ для жилья.

А храмъ стоитъ – поруганный, оскверненный, но величественный – и ждетъ...

Почему такое произошло? Какъ вернуть въ тѣ прекрасныя мѣста людей, Жизнь? На эти вопросы есть много предположений, но мы считаемъ, что сначала надо приступить къ реставраціи храма. И затѣмъ все вернется, т. к. въ тѣхъ мѣстахъ появится вѣра, безъ которой не можетъ жить ни теистъ, ни атеистъ.

Съ 2011 года мы начали реставрировать нашъ храмъ. За это время вынесли мусоръ, застелили временные полы, закрыли пленкой окна. Ввиду того что зданіе церкви является памятникомъ архитектуры, приступили къ разработкѣ научно-проектной документациі.

Если Вы имѣете возможность помочь намъ въ дѣлѣ возстановленія храма, то просимъ Васъ перечислить посильное пожертвованіе на реквизиты нашего фонда:

Расчетный счетъ получателя: 40703810655100000343 въ
Сѣверо-Западномъ банкѣ ПАО «Сбербанкъ Россіи»,
Санктъ-Петербургъ.

ИНН получателя: 7816290748.

Получатель: Фондъ возстановленія церкви Святой Троицы
въ Язвицахъ.

Счетъ Банка получателя: 30101810500000000653.

БИК Банка получателя: 044030653.

Назначеніе платежа: Благотворительное пожертвованіе.

Поддержать насъ можно черезъ мобильное приложение вашего банка воспользовавшись QR-кодомъ (достаточно указать Ф.И.О. и сумму пожертвования). Въ этомъ случаѣ средства поступятъ на расчетный счетъ.

Съ вопросами вы можете обращаться по телефону (921) 33-99-801 (Олегъ Лавровъ) или на электронный адресъ lavrovoa@mail.ru.

Благодаримъ васъ за поддержку, друзья!

КНИГИ ВЪ ДОРЕФОРМЕННОЙ ОРФОГРАФИИ

Представляемъ вамъ книги классиковъ русской литературы, исполненныя въ авторской (дореформенной) орфографіи. Изданія являются хорошимъ подаркомъ для ценителей русскаго языка.

Приобрѣсти книги вы можете перейдя по адресу: <https://pravopisanie.xtam-v-yazvichax.ru>, а также въ Интернетъ-магазинъ OZON.

Доступны на

Человѣка, добродотно дающаго, любить Богъ, и недостатокъ дѣлъ его восполнить

[Книга Притчей Соломоновыхъ 22:8]

